

18+ БРАТЯ ШВАЛЬЕРЫ

Моши
повторя

КРИМЫ!

РАСЕЯНСТВО

Братья Швальнеры

Расеянство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016032

ISBN 9785005166487

Аннотация

Что такое расеянство? Незнание собственной истории, глупость, хамство, жестокость, огульная ложь. Все это свойственно героям сборника повестей братьев Швальнеров: деревенскому дурачку, возомнившему себя самураем; мэру провинциального городка, решившему пополнить казну за счет открытия муниципального борделя; высокому правительственному чиновнику, надумавшему из корыстных побуждений включить Эфиопию в состав России. Вглядитесь в эти комичные фигуры. Так ли смешны они при ближайшем рассмотрении? Произведения «Мемуары Мойши», «Быр-наш» и «Мисима» ранее были опубликованы отдельными книгами. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От авторов	5
Мемуары Мойши	8
1. Удивительное – рядом	10
2. Клятва Гиппократата	33
3. Эпидемия	54
4. Сепсис	76
5. Прежде ума рыщет – беды ищет	99
6. Невинные жертвы	122
7. Не ждали	144
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Расеянство

Братья Швальнеры

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2020

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6648-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Что мы вкладываем в понятие «расеянство»? Пожалуй, только самое плохое, что есть внутри нас. Здесь – великодержавный шовинизм, пьянство, разврат, глупость, незнание своих корней и наплевательское отношение к наплевательскому отношению со стороны власти. А в какой нации такого нет, спросите вы? Разве среди американцев нет «реднеков», разве их меньше, чем наших «ватников»? Нет, не меньше. И подобные субъекты действительно присутствуют в каждой народности мира, что вовсе не отбрасывает тень на других, нормальных членов общества. В чем же опасность таких людей и почему с ними надо бороться?

Беда такой категории населения как в ее численности, так и в том, что именно такими нас хочет видеть государство. Именно такими легче управлять при помощи не реальных мер поддержки, а брошенных костей. Захотят получать больше денег из казны (возможно, вполне обоснованно, только у власти на эти деньги свои планы) – переключи внимание. Развяжи гибридную войну, и дай им почувствовать себя мировым гегемоном! И неважно, что у гегемона этого нарисованные носки, главное, что он о реальной проблеме уже не думает. Захочет честные и открытые выборы – снижай цены на водку! Забудет в пять секунд. Потребуют льготную ипотеку – устроим им праздничные выходные, да побольше,

недельки в две, по какому-нибудь идиотскому поводу типа дня мирового империализма. Понимаете теперь, кем выглядят «расеянцы», считающие себя центром Вселенной, в глазах собственной власти? А разве власть проводит грань между ними и другими, нормальными, не клюющими на дешевые посулы и игру на низменных инстинктах? Конечно, нет. В ее глазах все мы – абсолютно одинаковы. И покуда не избавимся мы от этого поганого клейма, покуда не начнем работать над ошибками и недостатками, так все и будет. Или еще хуже.

В этой книге мы постарались отразить «расеянство» как явление, поразившее разные слои общества. В повести «Мемуары Мойши» оно затронуло жителей маленького провинциального городка, мэр которого решил открыть муниципальный бордель. В повести «Быр» – жителей целой страны, чье правительство почему-то решило, что Эфиопию давно пора присоединить к России, и развернуло внутри страны целую информационную кампанию, едва не переросшую в мировую войну. А в «Мисиме» – деревенского дурачка, возомнившего себя самураем и решившего всю жизнь собственной деревни подравнять под кодекс бусидо. Возможно, герои эти покажутся вам нелепыми. А может быть, вы проведете параллель между прочитанным и тем, что видите каждый день на экране и в жизни. И тогда примете для себя решение не быть похожими на героев этой книги, какими бы смешными они ни предстали. Так или иначе, если

книга не оставит вас равнодушными, значит, у вас не все потеряно. И, возможно, у РОССИИ тоже?..

Мемуары Мойши

«Все страны живут по законам, а Россия – по пословицам и поговоркам»

Александр II, русский самодержец

Обыск в Озерском СИЗО-1 начался по плану – в 7 утра, сразу после завтрака. Один из осужденных попросил, чтобы его на все время обыска вывели на прогулку.

– Не положено, – дежурно бросил Михалыч.

– Ничего, пускай погуляет.

– Чего это?

– Весна.

С недоумением посмотрев на товарища, вертухай вывел заключенного из камеры, и только после этого смогли спокойно приступить к обследованию его обиталища.

В процессе Михалыч спросил у Артема:

– Чего это ты так к нему?

– Интересный мужик. Врач. Ни за что попал.

– Хе. У тебя какая-то зоновская философия. Что значит «не за что»? здесь все ни за что.

– Правда ни за что.

– Расскажи.

– Да ну, потом.

– Да все равно делать нечего, расскажи, чего тебе, сложно?

– Ну слушай, – сев на краешек кровати и задрал постель, Артем начал рассказ...

1. Удивительное – рядом

«Важно опускается белоснежный лайнер на взлетно-посадочную полосу. Мальчишкой еще Николай Иваныч любил смотреть на то, как самолеты совершают свой величественный полет выше птиц и облаков, до которых, бывало, дотрагивался он руками, когда они с дедом на высокую гору Маячную подымались. С тех пор еще его, деревенского мальчишку, захватывало ощущение полета, ощущение высоты, не достижимой не то, что человеку – даже птице, у которой, как думалось тогда ребенку, куда больше возможностей. Потому, наверное, и стихи любимого поэта Тараса Шевченко, так запомнились ему на года: «Дивлюсь я на небо, та и думку гадаю – чому ж я не сокол, чому не летаю?..»

Многие десятилетия прошли с тех пор, и от взлетавшего на гору за стадом овец мальчишки не осталось и следа – грузным и важным стал Николай Иваныч, ходить стал медленно, да и то, если быть честным, старался вовсе лишний раз не ходить; именно такого образа жизни, как он полагал, следовало придерживаться начальнику его ранга. А тяга к полетам все равно осталась – будто не желала юность покидать его мысли, не оставляла романтика мечты своего места в его душе.

Этот перелет тяжело дался ему на сей раз – года брали свое, да и количество выпитого спиртного давало о себе знать. Так что едва сполз Николай Иваныч с трапа, как

был подхвачен холоуями из собственной свиты. А не окажись их сейчас рядом, так и остался бы лежать, мирно посапывая у дверей аэропорта и преграждая дорогу прилетающим. Правда, и в том ничего зазорного городской голова не видел – примером был его давешний друг, Президент, Борис Николаич Рельсын, для которого такой поворот событий экстраординарным уж точно не был бы. Вообще, надо сказать, что вся советская плеяда чиновников, из которой, без сомнения, происходил Николай Иваныч, не рассматривала пьянку в присутствии электората и следующую за ней демонстрацию последствий в качестве чего-то постыдного. Потому как, наверное, на памяти были примеры первых секретарей времен их юности, потому как рывок из грязи в князи чреват не отмыванием от помоев, а всего лишь облачением в чистую одежду, которая тоже очень скоро, правда, пачкается. И хоть времена те давно канули в прошлое, а привычка осталась – и вторая натура, и российский менталитет, снимающий ограничители при занятии определенного кресла сыграли свою пагубную роль.

– Как долетели, Николай Иваныч? – спросила вечная правая рука мэра, Кузьмин, его первый зам, хоть и погрязший в коррупции, но настолько исполнительный, что всякий раз при виде его охватывавшее Николая Иваныча омерзение очень скоро сменялось благоволением.

– По-разному... – с трудом ворочал языком голова.

– Домой?

– А куда же еще? – вмешалась Зинаида Никифоровна, супружница мэра, ненамного отличная от него по внешности и незаурядному интеллекту.

– Э нет, на работу, есть срочная тема для совещания... Собирай всех...

– Николай Иваныч, так ведь воскресенье, нет никого, отдыхают все...

– Да чего ты его слушаешь; не видишь разве – налился до чертиков, – не унималась первая леди.

– Вот собаки, совсем от рук отбились, работать не хотят! Ладно, до понедельника дотерпим, а там уж я вам такой сюрприз приготовил... такой...

Виктору Федоровичу такой расклад показался пугающим, но он все же успокоил себя мыслями о том, что, проспавшись, мэр, даст Бог, забудет свои угрозы, а до понедельника время еще есть, и он со спокойной душой отправился сопровождать начальника до дома, где тот, едва перешагнув порог квартиры, растянулся прямо на полу и проспал до утра крепким сном младенца. Гениальные открытия и изобретения приходят человеку не часто, иногда – всего раз в жизни, а иногда – и вовсе ни разу, а потому забыть такое Николай Иваныч не мог...

Утро понедельника. И без того понятно, что тяжело, ох, как тяжело. Лица у всех – одно толще другого, все красные, кажется, сейчас треснут от алкоголя да блевотины, а тут еще накрахмаленные воротнички с тугими галстуками толстые

шеи давят, подбородки подпирают. Как помидор надулся глава городского комитета ЖКХ Смирнов, еще хуже, видать, самому мэру. С большим напряжением слушают отчет главы финансового управления о подготовке бюджета на следующий год. Какой там за мыслями следить – тут не уснуть бы.

Что ж, поможет Николай Иванович нерадивым подчиненным справиться со сном. Когда обрушится его мощный пудовый кулак прямо на столешницу из венгерской сосны.

– Опять дефицит?

Уж как ни старался глава бюджетной комиссии это слово замолчать, как ни молил всех святых, что не услышит глава, упустит из внимания, не придаст значения, ан нет – где тонко, там и рвется.

– Ну да.

– Который год уже... А решение?

– Принимаем меры,.. – только и лопочет который год подряд Андрей Алексеевич Улюлюкин. А воз и ныне там. Ну куда им, бестолковым, до мэра – на то талантливые люди талантливы во всем.

– А у меня есть решение! Я вот тут давеча на Пхукете отдыхал. Так они там знаете, чего удумали? Открыли муниципальное казино.

– Как это? Ну и чудеса, – послышался со всех сторон чиновный шорох.

– Вот и я подумал. Хоть и законы суровые по борьбе с азартными играми у них не менее, чем у нас, а все же. Изъ-

ятые игровые автоматы сюда установили, изъятые рулетки там, покерные и ломберные столы... И нате пожалуйста – все доходы в местную казну. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– Мудро... Только у нас-то вроде такого отродясь не было. Народ и так последний хрен без соли доедает, какой там казино открывать...

– Узко мыслишь. Я к примеру сказал. Сам принцип увлекает – пополнить доходы за счет граждан, но не путем воровства, а зарабатывая на любимых развлечениях и хобби этих же граждан!

– Что Вы имеете в виду? – оживился начальник полиции. – Мы ЛВЗ и кабаки и так уж обложили, будь здоров.

– Опять узко. Ты подумай о том, с какой категорией маргиналов ты последнее время больше всего борешься и можно ли из этого как-то извлечь прибыль?

Полковник со страху побелел.

– Неужели наркотики?

– Да ты чего, ошалел! Я о другом. Вернее, о других! Проститутки!

– Это... что же... публичный дом открыть?

– Именно! Муниципальный бордель. Ну не с таким, разумеется, названием, а там, скажем, брачное агентство. Или дом отдыха трудящихся всех отраслей народного хозяйства.

– Но ведь это же незаконно!

– Я тебе, дураку, еще раз говорю – формально под бордель это подпадать не будет. А если ты говоришь про соблюдение

законности в глобальном, так сказать, отношении, то послушай слова Президента нашего.

– А что он такое сказал?

– Помнишь, когда Ходорковского судили? За что его судили? За налоги. А Президент, когда ему напомнили про хлипкую доказательную базу, так и сказал – людей убивал, значит, будет сидеть. Закон и подвинуть маленько можно, когда интересы государства этого требуют.

Присутствующие малость ошалели от того, как этот выходец из советской системы, типичный партократ, ловко оперирует цитатами Президента, некстати вырываемыми из контекста. Но они и так не умели, а потому им ничего не оставалось, кроме как слушать. Тот же знай себе разошелся...

– Сейчас на этом деле наживаются одни мамки да сутенерши, мать иху так. А бюджет страдает. И не только бюджет – демография падает! А все почему? Отсутствие государственного контроля! Без царя, как говорится, в голове. В любом деле разумный оборот и надзор нужны, а иначе черт знает что получится. Тут мы и за нравственностью сами последим – не всех пускать будем, и на работу отбор строгий – и деньги в муниципальный бюджет соберем. Так, даст Бог, и губернатору к выборам бюджет сколотим, а уж он нас не забудет потом с дотациями! Мыслите глобально, товарищи, политически, так сказать. Какие будут мнения?

– В протоколе что писать? – только и задала вопрос, что

секретарь совещания, управделами.

– Пиши: «Обсуждение дополнительных источников формирования городского бюджета». Значит так. Начальнику полиции – обеспечить формирование свободного рынка и кадровую работу. Начальнику управления по имуществу – подобрать здание и инвентарь. Юротделу – создать МУП и утвердить начальника. Управлению здравоохранения... ммм... тоже принять меры. Ставлю на голосование?..

Вот поди разбери, что сейчас заставило всех присутствующих как по команде руки вверх задрать – то ли смехотворность описанного, то ли здравый смысл, а то ли похмелье, мешающее спорам и препятствующее дискуссии. А только сказано – сделано!

Мойша прилетел в этот город в тот же самый день. Почти на таком же самолете – только не бизнес-классом, как мэр, и встречающих у него не было. А значит возможность была посмотреть во всей красе на стольный град, полюбоваться им. Заплеванным аэропортом, бестолковым таксистом, не знающим дороги, убогими коммуникациями. Ну и конечно – классической отвратительной гостиницей, что, кажется, еще со времен Гоголя заполонили бескрайние просторы страны.

Хотя, в принципе, ко всему этому он не то, чтобы был готов – не возражал, что ли. Понимал, что едет сюда совершенно не для того, чтобы комфортом наслаждаться, а работать.

Он был выходцем из простой семьи рабочей интеллигенции, отец был врачом, мать – библиотекарем, – и, конечно, о такой роскоши, в которой, к примеру, привык проживать Николай Иванович, и не помышлял. Правда, хотелось бы, конечно, немного больше чистоты и порядку, чем было в местной больнице, в таком богоугодном месте увидеть. Ну да – на нет и суда нет.

От главного врача резко несло спиртом. В понедельник с утра исцелитель не мог позволить микробам размножиться в своем организме.

– Значит, на практику к нам?

– Пока да. Потом думаю устроиться, если все понравится.

Главный врач оценил его умор и с улыбкой посмотрел на собеседника:

– Понравится? У нас? К нам устроиться? Юморист... Ладно, иди пока оформляйся, а после обеда зайдешь в регистратуру, возьмешь ключи от кабинета санитарного врача. У нас тут, видишь ли, уже полгода санэпиднадзора нет. Станцию давно сократили в связи с недостатком финансирования, а последний санврач помер, сердечный, от запоя. Так что, думаю, ты нам ко двору придеешься...

Пока оформлял документы да бродил туда-сюда по больнице, успел молодой доктор с персоналом познакомиться. Персонал замечательный во всех отношениях – все ему улыбались, доброту излучали, а вместе с добротой аромат спиртного. Ну да это ведь частности, по ним нельзя о людях су-

дить, здраво размышлял Мойша.

Узнав о том, что приехал к ним новый санитарный врач, молодые специалисты оживились и стали ближе к вечеру толпами заглядывать во вновь обживаемый кабинет, который Моисей Самуилович начал освобождать от хлама, пыли и грязи.

– Привет, – показалось в дверном проеме веселое молодое лицо местного анестезиолога.

– Привет, – с улыбкой ответил Мойша.

– Меня Витя зовут.

– Мойша.

– Чего это ты тут копаешься?

– Да вот – видишь, сколько грязи. Прибраться надо, а то прямо не как врачебный кабинет, а будто...

– ...Помойка, факт. Семеныч, покойник, твой предшественник, был большой любитель выпить. А потому его место пребывания спустя несколько лет работы в должности стало ласково называться среди коллег «СЖУ».

– Что это? – улыбнувшись, спросил Мойша.

– Сральня, Жральня, Умывальня! И потому то, что он собирал пять лет, тебе одному, да еще за один вечер ну нипочем не поправить. Погоди-ка.

Виктор исчез, и минуту спустя вернулся в компании молоденькой девушки лет 20 – огненно-рыжей и провинциально-добродушной.

– Знакомься, это Катерина. Была у меня лаборанткой,

а будет у тебя медсестрой. Врач без медсестры это все равно как...

– Катя, – пристально вглядываясь в смуглые черты лица молодого доктора, протянула руку девушка.

– Моисей Самуилович.

Девушка непроизвольно хихикнула – подобное имя было редким в этих местах, и звучало несколько непривычно.

– Ой, извините.

– Пустяки, привыкните. Вы-то сами не против?

– Чего?

– Ну, работать в моем отделении? У нас ведь тут, знаете, не мед.

– А где здесь мед? Вы человек новый, видать, порядочный, чего ж не помочь-то...

Провинциальная простота, искренность, неподкупность – вот что всегда удивляло Мойшу в таких людях. В Москве, откуда он приехал, давно такого не встретишь – да и вообще случалось ли когда там такое? Откуда она, которая видит его в первый раз, знает, что он порядочный? Ведь внешность обманчива – иногда под личиной порядочности такое скрывается, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А она вот так вот – раз! – и карты на стол. Такое отношение обезоруживает. Мойша покраснел и уткнулся взглядом в стол. Виктор расхохотался, видя такую реакцию коллеги, Катя немного смутилась. Решили отметить приезд молодого специалиста – пока Мойша с Катей будут тут прибираться, он, Вик-

тор, слетает в ближайший гастроном.

– ...Слушай, а это правда или мне показалось, что главврач сегодня был малость... того?

– Не показалось и не малость, а очень даже путем. И не один главврач. – Катя с укоризной посмотрела на Виктора и наступила ему на ногу под столом. Он отмахнулся: – Да ладно, все свои люди. Понедельник же, все опохмеляются. Больница не исключение. Да ты не морщись так, кругом ведь жизнь. Думаешь, в мэриях аль в судах лучше? Везде все одинаково. Просто ты вот увидел, другой увидел, – а все почему? Потому что больница, и прийти сюда может любой желающий в любое время. А в иную госструктуру просто так и не зайдешь, потому и информации нет. Да ты не волнуйся, в основном народ у нас хороший, тебе понравится. А завтра все протрезвятся...

– Ой, а можно я анекдот расскажу? – святая простота Кати, уже изрядно захмелевшей и уставшей после рабочего дня уже умилила пуще любого анекдота. – Мужик пьяный в троллейбус заходит. А женщина на него кричать начинает: «Мужчина, Вы пьяный, Вы пьяный, выйдите немедленно!» А он ей так, потихоньку, вполголоса, отвечает: «А у тебя ноги кривые». Она – еще пуще в крик: «Да как Вам не стыдно, Вы пьяный, вон отсюда!» А он опять: «А у тебя ноги кривые». Она ему: «Да ты ж алкаш! Как тебя земля носит?!» Он ей все так же, еле слышно, отвечает: «Я завтра буду трезвый».

Когда она смеялась своему бородатому анекдоту, то была еще красивее – подумал Мойша. Или так подумал бродивший внутри него алкоголь. Что значило – пора завязывать, слишком много впечатлений на один день.

Меж тем задумка мэра удалась на славу. Доходы бюджета за неделю выросли в разы, докладывало финуправление на очередной пятничной сходке. Доволен был городской голова, и потому решил лично проинспектировать доходное место.

На машине с мигалкой, при полном параде, прибыл он к большому зданию в самом центре Озерска. Это был старый купеческий дом – в начале XIX века построила его семья местных золотопромышленников. В три этажа, выше всех тогда стоявших городских построек, он производил впечатление на горожан и гостей города как красотой отделки снаружи и изнутри, так и масштабами своими – все в нем выдавало традиции классической русской архитектуры, которая не могла не бросаться в глаза. Даже сейчас умилился выдавший виды мэр тому, как органично и красиво смотрится здание на фоне остальных городских построек, казавшихся ему теперь – как и всегда, впрочем – не более, чем сараями.

– Даа... – протянул он, окидывая взглядом красоту. В этот миг ему подумалось, что строили купцы такие хоромы для людей, чтобы им жизнь упростить да счастливой сделать, и, наверное, сейчас порадовались бы за его судьбу. Не то, что

в двадцатых годах – когда революция превратила такую красоту сначала в чайную, а потом в ГубЧК, а после тридцатых – стыдно сказать – в правление колхоза! С тех пор, как колхозы в стране приказали долго жить и пустовал купеческий дом, но Николай Иваныч всегда знал, что найдется-таки ему достойное применение – и не ошибся.

Красивая вывеска с золотыми буквами на красном фоне гласила: «Дом досуга жителей г. Озерска».

– Во, – похвалил мэра словно бы сам себя, читая название. – Так не стыдно и губернатора на экскурсию привести, и каких столичных даже гостей, если случай будет.

Внутри к приезду все было подготовлено – директриса борделя Мария Степановна Белозерова, бывший главный бухгалтер городской администрации, хоть и пожилая, но видная женщина, знавшая толк в досуге разного рода, лично приветствовала дорогого гостя.

– Дорогой Николай Иваныч...

– Привет, привет. Ну, как дела?

– Ну так Вам лучше знать. Отчет о прибылях и убытках каждый день сдаем в администрацию.

– Убытках?

– Ну убытков, слава Богу, нет. Стараемся, трудимся.

– Это хорошо. Как кадры?

– Работают.

– Что, все? Свободные-то есть?

– Для Вас найдем лучшего специалиста. Прошу...

По интерьеру тоже было заметно – постарались люди государевы. В комнатах, обустроенных по высшему разряду, положенному такого рода заведениям, все было как положено – кожаные диваны, кровати с железной ковкой, плети, наручники с розовой опушкой, картины в стиле ню... Особенно мэру в глаза бросилось бордовое шелковое постельное белье – он и до сегодняшнего дня был поклонником этого аксессуара, а уж сегодня оно пришлось ему как нельзя по душе. Он даже не сдержал своего эмоционального «Эмммм!», что свидетельствовало о его крайнем расположении.

Такие же эмоции вызвала у мэра и его сегодняшняя спутница – двухметровая красавица – блондинка с глазами, синими как море и губами настолько чувственными, что казалось у самой Памелы Андерсон (которую тут, конечно, не видели) могли бы такие быть.

– Ух ты! – всплеснул руками Николай Иванович. Для смотрительницы дома досуга это означало знак к тому, чтобы оставить мэра наедине с «главным специалистом» этого муниципального учреждения. – Тебя как же звать-то?

– Настя, – гордо и звонко ответствовала собеседница. Николай Иванович вспомнил советские времена – так раньше отвечали пионеры, когда их спрашивал первый секретарь. Как счастье воспринимали они такое обращение. После молодежь сломалась, испортилась – и Николай Иванович думал, что уж и не встретит такого комсомольского, юношеского задора в глазах и речах ее представителей. Сегодняшняя же встреча

уверила его в обратном – есть еще хорошая молодежь, есть на кого оставить с таким трудом возведенное здание!

– Настасья, значит. Ты откуда такая?

– Из суда. Секретарем-машинисткой работала.

«Настька-машинистка...» – пронеслось в голове у мэра.

– Хорошая работа, – сказал он. – Почему сюда решила устроиться? Чем суд не угодил?

– Э, не скажите, Николай Иванович, – рассуждала девица не по годам здраво. – Там будущего нет. А здесь такое предприятие – прямо скажем, градообразующее...

– Ну скажешь тоже, градообразующее...

– А чего, я вот в институте хорошо это запомнила. Чем привлекательнее инвестиционный климат, тем выше статус предприятия. В суде какая перспектива? Ну через год помощником, еще через пару лет – судьей. И все. А в Верховный Суд кто меня возьмет? Никто, таких желающих пруд пруди. Здесь же – все иначе. Вы пионер в таком сложном и интересном бизнес-проекте, и, я уверена, он далеко пойдет. А как до столицы дойдет, так возьмут и посмотрят – а кто тут трудился? Кто потом и кровью добился придания предприятию такого статуса? И вот она я. Вот тебе и перспектива. Поэтому, мне кажется, если на совесть работать, сюда любая должна стремиться, у кого хоть немного голова на плечах есть.

– Здорово рассуждаешь, Настасья, и голова у тебя, как видно, есть. А вот только хорошо ли ты трудишься – сейчас

проверим...

– Всегда готова! – отчеканила юная комсомолка.

И не соврала – на протяжении следующего часа у мэра была прекрасная возможность убедиться в правильности ее слов и честности ее намерений. Двигаемая высокой целью карьерного продвижения, она так обслужила Николая Иваныча, что у бедного пожилого человека икота какая-то нездоровая началась. Давненько его так не баловали девицы легкого поведения на курортах да в командировках – а о законной супружнице с ее мясистыми телесами уже и речи давно не было. Уж так строчила Настасья, что только что придуманное мэром прозвище пришлось как нельзя кстати. Именно «Настышка-Машинистка», и никак иначе.

Одним словом, насилу вылез из-под нее. А ей хоть бы что – вот что значит 20 лет! Кровь с молоком!

Когда Николай Иваныч покидал сие богоугодное, как говорили раньше, заведение, в глаза ему бросилась огромная очередь на билетной кассе. Он взглянул на часы – была половина седьмого, рабочий день кончился. Да и пятница к тому же.

– Что, мужики, усталость снимать, после трудового дня? – не упустил мэр случая пообщаться с электоратом.

– А то...

– А чего же в кабаке? Водочки бы?

– Да ну ее, Николай Иваныч, одна болезнь через нее. А тут – такое дело. Недорого, а удовольствия куда больше.

– А водочки и потом можно. Маленько, – добавил местный старожил. Николай Иваныч похвалил себя за удачную затею – теперь все эти проходимцы с боярышником, пополняющие за счет налоговых отчислений разве что федеральный бюджет да карманы мздоимцев, ему нипочем. У него теперь своя, отдельная статья в бюджете, на которую уж никто не посягнет.

В этой же очереди он увидал много молодежи.

– О, мелочь пузатая! А вам не рановато такие места посещать?

– А чего? У нас и паспорта имеются!

– А ровесницы чего же?

– Да ну их, динамистки кругом. Яйца крутят-крутят, а не дают. Все родительские карманные деньги на них спустишь, а толку ноль. То ли дело Настёна наша!

На минуту в мэре разбушевалась ревность, но вскоре здравый смысл подавил ее голос – деньги не пахнут, решил Николай Иваныч, а задумка его стоила, пожалуй, свеч. Никогда за всю свою 25-летнюю карьеру главы города он не был так собой доволен. И потому спал всю ночь как младенец, одни розовые слоники снились – то ли финансовый успех вскружил голову, то ли Настька-Машинистка хорошо знала свое дело.

Первые пациенты появились у Моисея Самуиловича в конце недели. На протяжении первых рабочих дней он зна-

комился с коллективом, который и впрямь оказался очень радушным и приветливым по отношению к молодому коллеге, «проставлялся» за свое назначение и к пятнице уже едва мог употреблять спиртные напитки, так что вечером «углового» дня решил завязать и приняться за изучение историй болезней лиц, стоявших у него на учете – благо, их было не так много, да и являлись они на прием редко.

Велико же было его удивление, когда с утра в субботу наведалься к нему – нет, не хроник с каким-нибудь гепатитом, – а механизатор из дальнего районного колхоза.

– Здравсьте, можно?

– Можно.

– Я к Вам, доктор.

– Слушаю Вас.

– У меня проблема такая... – деревенский житель долго мялся, очевидно, стесняясь излагать беду, кажущуюся ему очень щепетильной.

– Смелее, я не кусаюсь.

– Тама... чешется все... страсть...

– Понятно. В бане были?

– Ага. Не помогает.

– Разберемся, – Мойша пододвинул к себе листок и начал быстрым, свойственным врачу почерком, его заполнять. – С этим направлением идите в лабораторию, там сегодня очереди нет, сдайте соскоб. Посмотрим, что с Вами такое...

– А как скоро выяснится?

– Сегодня же. Прошу.

Сходил. Сдал анализ. Не прошло и часа как в кабинет к Мойше Самуиловичу зашла Катя, отныне выполнявшая роль его правой руки по всем вопросам.

– Хламидиоз, – вполголоса произнесла она. Для колхозника это звучало как приговор, но доктор не смутился – так же легко выписал больному мазь, прописал антибиотик (для страха, чтоб не повадно было впредь совать уд свой куда не просят) и отпустил с миром. Но тот почему-то не хотел уходить.

– Доктор. Тут... еще народ...

– Какой народ? Вы, что, не один?

– Нет, еще колхознички болезные к Вам просятся.

– Ну а что же Вы молчали? Пусть заходят.

Следом за механизатором вперлось еще три мужика – такие же взрослые и здоровые как он, и все с одной и той же хворью. Мойша с недоверием посмотрел на них – если принять во внимание гендерное совпадение, вариант с зональной эпидемией исключался. Что ж, об этом доктор решил подумать на досуге, а пока отправил и других больных все с теми же бумажками по знакомым кругам ада. И снова явилась Катя и произнесла свой суровый вердикт:

– Хламидиоз.

– Что, у всех?

– У всех, и причем стадия одна и та же.

– То есть... ты хочешь сказать?

– Что заразились в одно и то же время.

– Странно, очень странно...

– Ничего странного, – Катя говорила резким и уверенным голосом, несмотря на присутствие больных в кабинете.

– У тебя, что, есть соображения по этому вопросу?

– А у кого их нет?

– Ладно, потом обсудим. Иди пока. А вам, товарищи, пропишу укольчики...

Взрослые мужики при этом слове замялись как дети.

– Может, без уколов, доктор?

– С уколами, с уколами. Здоровье штука серьезная.

И впредь будьте аккуратнее.

Вечером Моисей Самуилович, по традиции, провожал Катю домой.

– И что это, по-твоему, такое было?

– Эпидемия хламидиоза.

– Ну, так уж и эпидемия. Три дурака подцепили каких-нибудь колхозных дур и айда...

– Если бы все было так просто... Вы заметили, что пришли одни мужики. Где дуры-то? Где разносчицы?

– Так они тебе и пришли. Эти-то от стыда сгорали, пока объяснялись, а ты хочешь, чтобы женщина – какая бы там ни была – созналась в таком деле... Нет, Катерина, ты не права.

– Да ладно Вам, Моисей Самуилович! Если бы такая в деревне была, то уж все бабы бы заразные ходили, а она бы уже от бабьего гнева где-нибудь на том свете пряталась. Вы жиз-

ни деревенской не знаете.

– А ты знаешь?

– Знаю. Потому что сама в деревне родилась. Только не в этом дело.

– А в чем? Откуда, по-твоему, пришла инфекция?

– Из публичного дома.

– Из какого публичного дома?

– Вы, что, ничего не знаете? Наш мэр учредил муниципальный бордель, чтоб, значит, казну городскую пополнять. Ну все туда сдуру и ринулись, мужики-то. А кто там работает? Проститутки одни, за которыми раньше тот же мэр с начальником полиции и гонялись. Теперь же их, чтоб сроки не давать, согнали в этот бордель и заставляют, значит, на государство работать.

– Что за ерунда? А куда же органы смотрят?

– А никуда. Вывеску непонятную повесили на этом, прости Господи, и все рады-радехоньки. Ведь не только бюджет пополняется, а и их карманы тоже. Это же не запланированная статья, значит, и доходы, и расходы по ней можно рисовать какие угодно – все равно никто не проверит и не накажет. А где такое появляется – там сразу лихоимцев целый отряд! Вы жизни совсем не знаете...

– Ну знаешь, в Первом мединституте меня не этому учили... Вот ты говоришь, бордель. Так там ведь должны же быть какие-то средства защиты что же, организаторы не знают об этом? Как же эти твои проститутки раньше-то работа-

ли, когда индивидуалками были?

От примененного Мойшей словесного оборота Катя улыбнулась.

– Раньше, когда у них сдельщина была, они имели специальную статью расходов на это дело. А теперь кто им это финансировать будет? Мэру наплевать, хозяйке борделя тоже, клиент, как всегда, думает авось пронесет. Вот и выходит потом...

– Подожди, так если это дело так будет дальше продолжаться, мы с тобой за переработку начнем получать? Это ж весь город у нас лечиться будет?

– Как один.

– Так если серьезно, это же ЧП! Надо срочно мэру сигнализировать!

– Да наплевать всем, Моисей Самуилович! Наплевать.

– Слушай, – подумав, спросил доктор. – А откуда ты так хорошо все знаешь про этих... ну, проституток?

– А у меня подруга детства есть, Настя. Она раньше в суде секретарем – машинисткой работала. Вот когда их штрафовать да судить привозили, она с ними и разговаривала. Девчонка хорошая, неглупая, правда, все на зарплату жаловалась, говорила, если из суда выгонят, в шлюхи пойду. Вот она-то мне все и рассказывала про их нелегкие «трудовые будни».

– А сейчас она где?

– А там же, в публичном доме и трудится. И чуть ли

не впереди планеты всей там, говорят. А чего ей – на передок слаба, а тут еще и деньги, да и какие – в сравнении с зарплатой секретаря суда практически огромные! Жалко ее...

– А ты чего же? – Мойша поймал шутливую волну. Он знал, что лучший способ понравиться женщине – это расшевелить ее.

– Чего?

– Ну, не пошла-то? Деньги ведь, сама говоришь, хорошие.

– Да ну Вас! – гневно отмахнулась от дурацкого вопроса Катя. Сквозь напускную злость заметна была ее улыбка – значит, уже понравился, решил Мойша.

2.Клятва Гиппократа

– Разрешите, доктор?

– Конечно. Вы на учете? – Мойша разговаривал с больным, не отрываясь от биографии венгерского врача Игнаца Филипа Земмельвайса, внесшего значительный вклад в развитие антисептики.

– Нет, впервые. Вот талон.

– Слушаю Вас, – отложив книгу, он посмотрел на пациента. Опрятно одетый, в галстук даже. Приятно было увидеть здесь, в этой глуши, интеллигентную внешность.

– Знаете, доктор, – он мялся как обычно мялись в этом кабинете больные. Мойша понимал их стеснение – с такими вопросами приходили только к санитарному врачу, они отлучались от простуды или зубной боли именно своей щепетильностью, – и потому не прерывал. – Такие болезненные ощущения при мочеиспускании... что-то подозрительное...

Лексикон посетителя приятно удивил доктора.

– Вы кем работаете?

– Учителем в школе.

Он улыбнулся:

– Это заметно. Подите в лабораторию вот с этим и сдайте мочу на анализ, а потом приходите ко мне.

Он пришел через полчаса – по сделанному Катей описанию налицо были все признаки гонореи. У Мойши не укла-

дывалось в голове все, написанное на листке – как у такого приличного, с виду, человека может диагностироваться вдруг такое заболевание, свойственное проституткам или дальнобойщикам?

– Простите мне мой вопрос... Но сколько у Вас было половых партнеров за последнее время?

– Два.

– Из них постоянных?

– Один.

– А еще один?

– Но это же личное...

– Извините меня еще раз, просто у нас тут с коллегами спор вышел. Видите ли, какие-то странные признаки эпидемии венерических заболеваний я наблюдаю последнее время. Это заставляет задуматься.

– Это оттуда...

– Откуда?

– Из публичного дома, – шепотом ответил учитель.

– Вы имеете в виду дом досуга?

– Да.

– После его посещения у Вас начались признаки гонореи?

– Именно. Но, пожалуйста, никому ничего не говорите – мне такая слава в маленьком городке, сами понимаете, без надобности.

– Разумеется. Но и я Вас, в свою очередь, должен предупредить о необходимости ограничить половые контакты с су-

пругой.

– Ну само собой.

– Замечательно. Вот Вам рецепт, идите с ним в аптеку.

И лечитесь. Пить по схеме в инструкции.

Когда он ушел, Мойша вызвал Катю и всплеснул руками.

– Ты была права.

– Ты о чем?

– Дом терпимости. Ты делала анализ мочи учителю?

– С гонореей?

– Да. Все оттуда же.

– Я же говорила, – она махнула рукой и направилась к выходу.

– Стой! Куда ты?

– А что такое?

– Надо же что-то делать!

– Что, например?

– Ну не знаю, главному сообщить или мэру! Это же разносчик заразы. Его надо или закрывать, или меры принимать!

– Какие?

– Ну не знаю! Пусть раздают контрацептивы что ли!

– Думаю, что ты с твоими предложениями будешь иметь бледный вид в глазах начальства. Я бы на твоём месте даже не рыпалась.

– Как ты можешь так рассуждать? Существует опасность эпидемии, может быть, она уже шагает по городу. Это угроза

для всего населения, а ты говоришь сидеть на попе ровно!

Катя пожала плечами:

– Ну не знаю. Сходи, конечно, к главному, но...

Мойша не пошел – он полетел в кабинет главного врача, чтобы поделиться своим открытием. Тот – трезвый сегодня – всплеснул руками:

– Да ты что?! Не может быть! Вот те раз!

– Пока, конечно, об эпидемии говорить рано – заболевания у всех посетителей этого места разные, но признаки очень нехорошие. Судя по тому, что заболевания вообще становятся следствием посещения этого... кхм... заведения, надо принимать меры. Обо всем надо сообщить мэру.

– Я сейчас же поеду в мэрию, а ты вот что... – главврач огляделся и запер дверь кабинета. – Ты только никому пока ничего не говори. Посеешь панику – греха не оберемся. Это, видишь ли, детище нашего мэра он им гордится до невозможности. Вот, дескать, поправил состояние бюджета, новую статью доходов нашел. Это еще проверить надо – оттуда или нет. А если мы с тобой его начинанию крылья подрежем, сами же будем виноваты... Я ему сейчас все расскажу, а ты пока никому ни слова. А там видно будет.

Доверительный тон главного успокоил Мойшу. А более всего успокоило его то, что сразу по окончании аудиенции отправился главный врач с докладом к своему непосредственному начальству. Которое тоже было неприятно удивлено и раздосадовано внезапным открытием:

– Да ты что?! Как такое могло случиться?! Да... Это ведь если правдой окажется, нам всем тут несдобровать... Я открыл, ты не доглядел...

– Так-то оно так, Николай Иванович, только...

– Что только?

– Понимаете, молодой специалист, мнительный, подозрительный, да еще и из Москвы.

– Ты намекаешь..?

– Нет. Я просто думаю, что он может излишне сгущать краски. Во-первых, как он сам сказал, эпидемии пока нет, а народу через борд... извините, через дом досуга уже порядочно прошло. Во-вторых, эти же шлю... специалисты дома досуга раньше работали индивидуально – и никаких нареканий на них не имелось, верно? Как это они все разом заболели? Так не бывает. Вполне возможно, что источник заражения совершенно другой.

– А какой?

– Помните, лет пятнадцать тому назад в сети общепитов бытовой сифилис нашли?

– Так то сифилис, а ты говоришь гонорея и вши эти еще...

– Наука пока не знает точных источников распространения хламидиоза. То, что у одного дурака гонореей нашли, еще не повод лишать бюджет профицитной статьи.

– И что ты предлагаешь?

– Закрывать столовые!

– В которых 15 лет назад был бытовой сифилис? Ты в сво-

ем уме?

– Я-то в своем, только и Вы, Николай Иванович, головой подумайте. Где гонорея, там завтра и сифилис появится. Он вынужден будет в область написать, хватятся – а у нас уже и меры приняты! Столовые закрыты! Поднимем старые отчеты, что он тут давно обитает, и привет. А среди бя... специалистов дома досуга работу проведем, пусть почистят свои кадры. Только потихоньку, без придания этому, так сказать, общественного резонанса. Одно дело, когда проблему сами вскрываем и меры принимаем, и совсем другое – когда ее извне вскрывают. А после на орехи раздают. Верно?

Николай Иванович только руками развел – он, конечно, знал, что Никонов мужик опытный в таких вопросах, но чтобы настолько! И уж, конечно, не мог он догадаться, что за двадцать лет работы главврачом сменил Федор Федорович талант хирурга на талант аппаратчика. А он куда как важнее при такой должности. Потому что, как говорил товарищ Сталин, кадры решают все. И как говорил он же, незаменимых нет. Хорошего хирурга выучить можно, а вот хорошего аппаратчика поискать надо!

Слова главного врача оказались пророческими – спустя пару дней на прием к Мойше записался механик из автоколонны. У него были подозрения на твердый шанкр – методом сдачи несложных анализов подозрения подтвердились, у рабочего человека оказался первичный сифилис. Пропи-

сав тому лекарство, Мойша снова бросился в кабинет главного врача.

– Федор Федорыч, я опять по тому же вопросу.

– По какому? – главный, как ни в чем не бывало, изучал очередной номер «Озерских ведомостей», в котором было помещено интервью с руководителем вновь открытого дома досуга.

– По дому досуга. Опять клиент. И на этот раз уже не гоноря и не вши.

– А что?

– Сифилис.

– Тааак... И что же?

– Вы у мэра были?

– Был.

– И что он сказал?

– Что работу проведет. Начнут там презервативы раздавать или еще что.

– А когда?

– Ну что ты впереди паровоза бежишь! Всеу свое время, успокойся...

Тон главного показался Мойше подозрительным. Он решил поделиться своим открытием с Виктором, пока еще не зная, что ему следует и чего не следует делать в такой ситуации.

– Да что ты, старик, с ума сошел?! Ты правда думаешь, что из-за этого борделя у нас эпидемия начнется?

– Судя по ряду признаков, она уже началась.

– Ты преувеличиваешь, по-моему. Несколько больных – еще не признак эпидемии. Да и потом – кто там работает? Те же вчерашние индивидуалки. Была эпидемия, когда они по одной работали? Нет. А сейчас откуда ей взяться? Как это они вмиг все заразились?

– Это тоже не дает мне покоя.

– Так вот и успокойся. И делом займись. Кстати, у меня послезавтра день рождения. Отмечать будем в ресторане. Приглашаю.

– С радостью! Что тебе подарить?

– Абонемент в дом досуга! Шучу! Расслабься! А лучше сходи куда-нибудь с Катюхой, она вишь как по тебе сохнет...

– Да ну тебя...

– Слушай, ты о чем-нибудь, кроме работы думать можешь?! – Анестезиолог обратил взгляд на лежавший на столе свежий номер «Озерских ведомостей», такой же, какой только что читал главврач. – На вот, угомонись.

– Что там?

– Меры по твоему обращению уже приняты – закрыт ряд столовых, в которых ранее обнаруживался бытовой сифилис.

Мойша с удивлением принял газету из рук товарища и стал читать.

– «Администрацией города принято решение о приостановлении деятельности столовых №15 и 47, в которых, по мнению санитарного врача, имели место антисанитарные

условия. Так, за последнее время к нему обратились несколько горожан с жалобами на признаки бытового сифилиса. По данным нашей газеты, 15 лет назад в этих же столовых аналогичное заболевание уже отмечалось. Выезд на место показал, что с тех пор мало что изменилось – столовые переполнены лицами без определенного места жительства, в воздухе стоит смрад, на столах пыль и грязь. Не удивительно, что в такой обстановке плодились микробы и бактерии. Однако, теперь стараниями городской управы с этим покончено. Спасибо Моисею Самуиловичу за своевременный сигнал!» Вот это да!

– Чего?

– Они там все с ума посходили, что ли? Какой, к черту, бытовой сифилис? Сифилис там вполне себе обычный – вирусный, передающийся половым путем! Я же говорил главному!

– Да успокойся ты. Без внимания не оставят. Что ж они, по-твоему, на свой народ наплевали? А помирать начнут?

– Вот и я о том же. Что это такое? – он потряс газетой в воздухе.

– Ничего особенного. Просто прикрывают задницу. Не могут же они в газете сами про себя такое написать. А выводы сделают, вот увидишь, обязательно сделают. Иначе бы и вовсе замолчали.

– Ну разве что... И все-таки я думаю, кто же является источником заразы?

Главный специалист дома досуга озерчан Настя Шишкина не только своим личным примером показывает, как работать надо, но и лекции товарищам читает с удовольствием. На одну из таких лекций даже корреспондент Денисов пришел – посмотреть да послушать, чтобы было чем с читателем поделиться. Он тут давеча вопросы закрытия столовых – разносчиков заразы – освещал, и так ему после посещения этих грязных злочных мест тошно стало, что захотелось душу отвести. А где это сделать, как не в доме досуга?

– Я считаю, – хорошо поставленным, твердым голосом, исполненным учености, говорит Настасья, – что в век рыночной экономики такой способ пополнения городского бюджета как создание дома досуга жителей города есть большой рывок вперед. На западе такое уж давно практикуется – в Нидерландах, например, досуг граждан давно является источником пополнения государственной казны. А мы чем хуже? Ничем. Дело просто в том, что первому всегда трудно. Решимость должна присутствовать. А она еще присутствует не у всех. Не все еще такие сознательные, как наш уважаемый мэр, Николай Иваныч. А вот он – пионер. Пионер, значит, первый. И потому, дорогие девочки, я целиком разделяю его энтузиазм в столь славном начинании и вас призываю к тому же! Оставайтесь сверхурочно! Перевыполняйте план – и благодарный народ впишет ваши имена золотыми буквами в историю нашего славного города!

Аплодируют девочки Насте. Хорошо говорит Настя, старается. И слова с делом не расходятся – отвел душу корреспондент после грязной забегаловки. Уж так помогла ему в этом Настасья, просто слов нет как! А насчет трудовых успехов – это тоже по ее части.

Когда журналист выполз от нее после трехчасового марафона досуга, она и бровью не повела. И даже когда Марья Степановна привела ей нового клиента – анестезиолога Виктора из местной поликлиники – только грудь в корсете поправила. Посмотрел журналист и присвистнул – вот уж где и впрямь героиня капиталистического труда. Другая бы на ее месте в обморок упала, а она ничего. Не знал несчастный писака, что и доктора Настя заездит до потери пульса – вот что делает с людьми гражданская сознательность!

Март 1847 года, Пешт.

Весна приходила в столицу Венгрии как всегда звонко и мелодично. Капель вовсю звенела по вымощенным брусчаткой мостовым и улочкам, а птицы, словно сошедшие со цен театров, где давались представления оперетт Листа и Штрауса, во все горло возвещали о смене времени года, и приходе долгожданного марта, всегда несущего все новое, светлое и прекрасное в серые будни повседневной жизни.

Доктор Игнац Филип Земмельвайс показался на пороге больницы Святого Роха с маленьким саквояжем в руках. Ди-

ректор клиники доктор Клейн принял его с распростертыми объятиями:

– Доктор! Искренне рад встретить Вас сегодня. Нам много писали о Вас, в том числе и из университета. Наша клиника очень нуждается в такого рода специалистах...

Молодой врач несколько смутился.

– Я, право, еще не вполне специалист. Можно ли так называть вчерашнего школяра, выпускника университета, только вставшего с кирхи?

– Будет Вам скромничать. Не желаете ли свежего кофе перед началом рабочего дня?

Визитер не отказался. После легкого завтрака в компании знатного доктора они вместе отправились на кафедру, где Клейн познакомил его с новым коллегой, невысоким рыжим доктором Франтишеком Коллечкой. Старший товарищ сразу приглянулся Земмельвайсу, в отличие от чересчур приторного Клейна, и уже скоро они остались одни и принялись обсуждать основные направления работы кафедры и проблемы, с которыми она сталкивалась в ежедневной деятельности.

– Конечно, это прежде всего послеродовая горячка и сепсис. Но я думаю, что не открою Вам здесь ничего нового. Вы в университете, наверняка, проходили эти заболевания и знаете, что это – вечный бич акушерских и гинекологических отделений. Уже много лет медицина ничего не может с этим поделать...

– Да, – тяжело вздохнул Земмельвайс. – Даже не верится. Наука шагает вперед семимильными шагами, а мы топчемся вокруг банальной беды, которая год от года уносит десятки жизней.

– Да, статистика, к сожалению, пока неутешительна. Но есть и успехи. Прошу в отделение.

Коллеги облачились в белые халаты и прошли в родильное отделение, где осматривали новорожденных. Земмельвайс ознакомился с их описаниями – частотой кормления, эпикризами отклонений, затем побеседовал с роженицами.

– Здравствуйте, милые дамы, – учтиво произнес он, перешагнув порог родильной палаты. Женщины, по традиции, увидев нового статного доктора с умным лицом, украшенным лихими закрученными усами, стали кокетливо поправлять прически и прятать лица за веерами. Даже в этих, измученных беременностью и родами, женщинах, сохранялось в такие минуты женское начало.

– Познакомьтесь, наш новый доктор, герр Земмельвайс. Он будет курировать некоторых из Вас, поэтому можете смело высказывать ему свои пожелания и предложения.

– Господин Земмельвайс, – произнесла самая решительная, бойкая, рыжая, дородная фрау Хельринг. – Скажите, почему нашим мужьям не допускается присутствовать при родах, хотя бы даже в соседней палате? Многие из нас придерживаются того мнения, что присутствие супруга облегчило бы нашу тяжелую роль в этот момент...

– Фрау Хельринг, как Вам не стыдно, – покраснел Коллечка. – Мужчина по Священному Писанию не создан для подобных действий, а равно и для их созерцания! Как отреагирует на это доктор Клейн?

– Видите ли, помимо религиозных и морально-этических соображений, – более сдержанно и логично отвечал Земмельвайс, – существует еще гигиена. Мы только что обсуждали с уважаемым коллегой вопросы послеродовой горячки и сепсиса у рожениц. Медицина буквально с ног сбилась в поисках универсального средства борьбы с этими напастьями, и потому любое присутствие постороннего человека здесь может внести в незащищенный организм матери заразу так, что мы даже не учуем этого!

– Полноте, Вы пугаете нас, доктор. Среди всех нас ни у одной не было тех недугов, о которых Вы говорите.

Земмельвайс и Коллечка переглянулись.

– Счастье, фрау Хельринг, что все так обстоит. Молитесь Богу, чтобы и впредь не постигло Вас и никого из вас эта беда. Но в самом деле – механизм проникновения вируса в организм пока не достаточно исследован наукой, чтобы мы могли допускать посторонних к родам даже на допустимое расстояние!

Рядом на кровати лежала молодая фрау Ранч – судя по животу, она вот-вот должна была уже рожать. Она согласилась с мнением молодого доктора.

– А мне кажется, доктор Земмельвайс прав. Все-таки они

врачи, и на них возложена сложная и ответственная задача бороться за жизнь нашу и нашего потомства, и потому им сподручнее рассуждать о таких вопросах.

Фрау Ранч была еще совсем молодой и очень милой девушкой – при весьма астеническом телосложении носить плод было намного тяжелее, чем, например, той же госпоже Хельринг с ее параметрами, но она более, чем достойно справлялась с бременем, возложенным на нее природой. Земмельвайс взглянул на нее очень нежно и улыбнулся. Она ответила ему.

– Ну не знаю, – не унималась Хельринг. – Как по мне, так чему быть, того не миновать. Если Господь даровал мне и моему ребенку право жить на земле, то ничто не в силах изменить его решение, и уж тем более никакая зараза!

– Несомненно, но и человек должен в таких случаях делать все, от него зависящее, чтобы Божьему промыслу ничего не помешало, – заключил Коллечка. Потом перевел взгляд в принесенные с собой бумаги и добавил: – Ну а чтобы Вы были покойны и не возбуждали умы рожениц, уже завтра мы Вас выпишем. Так что готовьтесь, а нам с доктором пора осмотреть другие отделения... Прошу Вас, доктор.

Вечером, в гаштете, двое врачей, приглянувшихся друг другу, разговаривали за кружкой пива.

– Как там нынче, в Вене? Как университет? Я приехал отсюда пять лет назад, и с тех пор тоска по альма матер не покидает меня.

– Университет живет. Профессор Айсман, кстати, велел кланяться Вам.

– Да что Вы?! Мой любимый старенький профессор Айсман, когда-то он выделял меня среди всех своих учеников!

– Он и теперь помнит Вас и очень лестно отзывается. К сожалению, о моем распределении в Пешт узнали только несколько дней назад, но этого времени хватило, чтобы он провел мне подробную экскурсию по проблемным местам клиники Святого Роха.

– Да. Многие из наших врачей учились у него. Доктор Клейн тоже, кстати.

– А вот об этом можно судить с большой натяжкой.

Коллеги рассмеялись – доктору Земмельвайсу не чуждо было чувство юмора.

– А Штраус? Пишет по-прежнему?

– Вена без Штрауса это все равно что больница без врача.

– Замечательно сказано. Прозит!

Утро в больнице началось со схваток у фрау Ранч. Земмельвайс пока не имел права принимать роды – чтобы допустить его к процедуре по действующим тогда правилам нужно было, чтобы он отработал на кафедре две недели, и потому он только смотрел, как делает это доктор Коллечка. Пустая бюрократия не позволила специалисту ассистировать своему коллеге, и для этого был приглашен из прозекторской доктор Хоффман. Последний хоть и слыл опытным хирургом, но все же основную часть времени посвящал патолого-

анатомии, что породило в Земмельвайсе сомнения относительно целесообразности его присутствия здесь.

Молодые врачи все мнительны – и Игнац Филип не был исключением. Роды прошли удачно, хоть и с применением кесарева сечения, но все же и роженица, и плод были спасены. Земмельвайс осмотрел роженицу – температура была в норме, она сама была в сознании, правда, просила пить, но это было нормальным явлением после разрешения от бремени, доктор не придавал этому значения.

Проблемы начались на следующий день – у роженицы начался сепсис. Дежурная сестра утром доложила врачам, что больная всю ночь пролежала в жару, просила пить, утром отказалась от еды, а сейчас и вовсе пребывала в пограничном состоянии. Коллечка и Земмельвайс бросились в палату.

Игнац сел рядом с кроватью фрау Ранч и взял ее за руку – она была ледяной. Веки девушки были сомкнуты, щеки полыхали огнем, она металась по подушке и бредила:

– Господи... где... где он? Почему? Когда придет доктор?

– Успокойтесь, Агнес. Я здесь, доктор Земмельвайс здесь.

Только услышав его фамилию, сквозь бред она с трудом разлепила веки и попыталась поднять голову с подушки – но безуспешно.

– Вы здесь... Я умру, доктор?

– Ну что Вы, Агнес! Просто у Вас температура, такое бывает от перенапряжения при родах...

– Я знаю, что я больна... Молю Вас только об одном –

спасите малыша... Мне необходимо увидеться с ним...

Земмельвайс посмотрел на Коллечку – тот отрицательно покачал головой. Иного ответа ожидать не приходилось – у нее был страшнейший сепсис, природа которого была не известна науке, и подвергать опасности жизнь младенца доктора не имели права. Щеку Земмельвайса обжег просящий, молящий взгляд Агнес – умирающая женщина выказала последнюю волю, и молодой доктор был не в силах совладать с собой.

– Рита! Принесите сына фрау Ранч.

– Но Игнац! – попытался укоротить его Коллечка, но он ответил ему словами вчерашней пациентки:

– Малыш здоров. Значит, на то воля Господа. Значит, все обойдется.

Агнес Ранч умерла вечером. Сепсис и горячка сделали свое дело. До поздней ночи Земмельвайс сидел в своем кабинете за книгами по санитарии. Но как назло ничего нового они ему не сообщали.

– Уже темно. Вы идете, Игнац? – спросил Коллечка, стоя в дверях. Тот отвечал, словно не слыша его вопроса:

– Я думаю, что знаю причину случившегося.

– Игнац, причина случившегося стара как мир...

– Послушайте меня. Вчера Вам ассистировал Хоффман, так?

– Ну да, он часто мне ассистирует. Он опытный хирург и...

– Часто или всегда?

– Часто.

– И как часто после этого умирают роженицы?

Коллечка побелел, когда до него дошел смысл вопроса молодого коллеги.

– Вы хотите сказать?..

– Именно это я и хочу сказать. Подняться из прозекторской, оторваться от трупа – и сразу приблизиться к роженице. Это ли не нарушение клятвы Гиппократата?

– Но мы не можем обвинять человека без доказательств.

– Доказательства будут.

Утром Земмельвайс запросил у ординатора протоколы операций, в которых Коллечке ассистировал Хоффман. Затем сравнил их с историями болезней тех, кто был на столе в те дни – выжила только удивительно жизнестойкая фрау Хельринг. Как видно, ее слова о Боге помогли ей, и Всевышний не оставил сиротой ее ребенка, что запросто могло случиться с легкой руки доктора Хоффмана.

Спустя пару дней о своем наблюдении Земмельвайс решил сообщить Клейну, но, как порядочный человек, решил сначала ввести в курс дела самого Хоффмана. Он спустился в прозекторскую.

Там был накрыт стол, многие коллеги стояли здесь, выпивали и закусывали. Земмельвайс не поверил своим глазам – здесь же стоял Коллечка, держа в руках бокал шампанского и закуски.

– Игнац, прошу Вас! Вы, верно, не знали, у доктора Хоффмана сегодня день рождения!

Земмельвайс увлек коллегу в сторону.

– Что Вы здесь делаете?

– Я же говорю...

– Это я понял. А как же санитария? Здесь же, простите, трупы вскрывают...

– Пустое, стол продезинфицирован.

– Только руки не промыты.

– О чем Вы?

– Руки доктора Хоффмана не в микробах от трупа, а в крови фрау Ранч и еще десятков матерей!

Земмельвайс круто развернулся и покинул пиршество. Коллечка, тяжело вздохнув, посмотрел ему вслед и подумал только, что с таким напором он долго здесь не продержится.

Игнац летел по коридорам больницы с твердым намерением вывалить доктору Клейну сейчас же все на-гора, когда вдруг налетел на санитарку, несшую в руках кувшин с водой и судно. От удара при столкновении кувшин выскочил из ее рук и разбился, облив новый костюм Земмельвайса. В таком виде показываться главному врачу было нельзя, и вскоре выяснилось, что не было бы счастья, да несчастье помогло...

– Извините ради Бога.

– Да что мне твои извинения, – ворчала старая санитарка. – Кто теперь убирать это все будет? – Она еще не знала в лицо молодого доктора, да если бы и знала, то вряд ли

разговаривала бы иначе, но Земмельвайса сейчас занимало не это. Она произнесла ключевую для него фразу – кто будет все это убирать? Он совершил значительную научную находку – но как это исправит положение? Как изменить ситуацию с сепсисом?

Он вернулся в свой кабинет и принялся штудировать учебники по первой помощи и вирусологии. В голове крутился один-единственный вопрос: каким универсальным средством избавить рожениц от мук послеродовой горячки? Даже если завтра доктора Хоффмана отставят, а прозекторскую вовсе закроют в этой клинике, то изменится ли ситуация? Что будет, если не прозектор, а профессиональный хирург станет ассистировать Коллечке? Где гарантия, что заразу не внесет он? Мыслями он вновь вернулся к вопросу фрау Хельринг: что если тот же хирург придет на работу из гаштета, с улицы? В чем суть проблемы?

Земмельвайс оторвался от книг и взглянул на свои руки. Будучи главным инструментом хирурга, орудием спасения человеческих жизней, они так же могли служить и орудием ее погибели. В эту секунду он почувствовал себя Архимедом, и захотелось закричать что есть сил: «Эврика!»

3. Эпидемия

Грустный идет Моисей Самуилович на работу. Невесело ему. Первый блин комом. Только попытался зарекомендоваться на новом месте должным образом, как натолкнулся на чиновничий произвол. Ну что же это такое? Повесил нос Моисей Самуилович, призадумался.

Красивая рыжая деваха только и подняла ему настроение. Как ждала, как знала, что именно этой дорогой пойдет молодой доктор – специально что ли дожидалась его у старой скамейки возле больничного сада?

– Привет, – уже несколько дней как взяла она быка за рога, перейдя с ним на «ты». Да и он вроде особо не сопротивлялся, так даже проще.

– Привет.

– Чего загрустил?

– Да все то же...

– Из-за забегаловок этих, что ли? Фи, тоже мне, нашел, из-за чего переживать. Там правда был рассадник один, ну не из-за тебя, так по другой причине закрыли бы, давно следовало. Там же одни БОМЖи отирались!

– Да не в этом дело. Я сообщил об угрозе общественному здоровью, а никто и в ус не дует.

– Послушай, – Катя уж и придвинулась к нему поближе, и за руку взяла – ну, чтобы доверительнее слова ее звучали,

чтоб из ушей прямо в сердце шли, – этому обществу глубоко плевать на свое здоровье и свою жизнь уже давно. С тех самых пор, как несколько лет назад Белый дом расстреляли... Тебе одному больше всех надо! Пора думать по-новому...

– А воспитывали меня по-старому, – не унимается Мойша. – Чтобы о других сперва, а потом уж о себе...

Ласково посмотрела Катя на Мойшу – упертый ей достался паренек. Однако сразу же подумала она, таким и должен быть настоящий мужчина. Пусть таким и остается до поры. А там – перевоспитаю. Улыбнулась. А руку все ж не отпускает. Так и ведет до самой больницы. И ему вроде как по дороге светлее стало, надежнее, спокойнее. Только вот у входа расцепиться все же пришлось – мало ли чего больные могли подумать.

Как раз в канун праздновали день рождения Виктора Акимова. Пользуясь временным отсутствием больных, решил Мойша навестить своего нового товарища на рабочем месте.

А у того все кипело – одна операция за другой, сложно было застать его в ординаторской без дела сидящим. Не отрывался от производственного процесса молодой доктор, все горело в руках.

– Что у тебя за ажиотаж с утра? – спрашивал Мойша.

– Да черт знает что. Третий бомж уже поступает с признаками отравления алкоголем.

– Вот те раз. Каким?

– А ты не понимаешь? Боярышником!

– Что за напасть? А раньше такого не было?

– В том-то и дело, что нет. Раньше они спокойно столовались в тех забегаловках, ну... ты понял, в каких. Там наливали дешевую водку. Хреновая конечно, в рот взять нельзя, а все же акцизами облагается, и за качеством администрацию следить заставляли. Ну, одним словом, не сдохнешь. А сейчас...

– То есть, как по-твоему, выходит, что я оказался виновником смертей этих несчастных?

– Да нет конечно, что ты. Их бы и без тебя закрыли, закрывали ведь уже раньше, так что дело времени... Просто понимаешь... В нашей стране существует правило круговой поруки. Или, как писал Тютчев, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Ты-то за благое дело ратовал, и предвидеть не мог тех последствий, которые наступили, а оно вишь как все...

Не много оптимизма вселили слова коллеги в Мойшу. Видя это, Виктор похлопал парня по плечу.

– Пустяки. Не грузись. Слушай, мне к тебе заскочить надо, проконсультироваться по одному вопросу. Тебе когда удобно?

– Да хоть когда.

– Нет, мне так, чтобы народу не было.

– Давай ближе к пяти.

– Договорились. А пока, старик, извини, в оперблок надо. День разгорался – к Моисею Самуиловичу потянулись

больные.

Первым на пороге показался местный адвокат, заведующий юридической консультацией. Ему и представляться не надо было – молодой доктор сразу понял, с кем имеет дело. Еще бы, не каждый ведь является в больницу в пенсне и с кожаным портфелем под мышкой. Да еще в галстук-бабочке.

– Не удивляйтесь, молодой человек, – забормотал посетитель. – Это у нас в диковинку, а на западе уже давно принято представителям моей профессии носить галстуки-бабочки и пенсне.

– Простите, не знал, но как бы то ни было, очень и очень стильно.

– Благодарю покорно. Вы знаете, у меня проблемы по Вашей части.

– Я догадался, что Вы не чаю попить зашли.

– Что-то очень чешется в паху и даже, кажется, какой-то фурункул образовался...

Осмотрел доктор пациента – и сразу разочаровал.

– Должен Вас огорчить. Это не фурункул. Это твердый шанкр!

– Простите?

– Первый признак сифилиса.

– Бытового?

– В паху? Шутить изволите? Венерического конечно!

– Однако! – искренне удивился адвокат. – Откуда бы ему

взяться?

– Я, конечно, не знаю всех подробностей, но мне кажется, что Вы недавно побывали в одном учреждении, хоть и новом, но уже хорошо мне знакомом...

Тот спрятал глаза.

– Я хочу просить Вас, чтобы это осталось между нами.

– Врачебная тайна для меня закон, но я все-таки поостерегся бы на Вашем месте...

По глазам адвоката Мойша понял, что его услышали.

– ...Ахахахаха!!! – на всю ординаторскую раздавался смех коллег-врачей, когда Мойша рассказал им о своем утреннем пациенте. В обеденный перерыв сотрудники поликлиники собрались здесь, чтобы перекусить, перекурить, поиграть в шахматы, а также поделиться врачебными сплетнями – какая профессия без них.

– Ну что Вы! – обижался и недоумевал молодой доктор. – Я ведь не для этого! Я к тому, что эпидемия шагает по городу, а мер никаких не принимается!

– Да ты не обижайся, парень, – похлопал его по плечу заведующий отделением кардиологии. – Мы без злобы. Это ведь дальше стен больницы никуда не уйдет. А все же этому старому жидовскому прохиндею так и надо... Знаешь, сколько он народу объегорил? Ничего, пускай теперь помучается, с него не убудет...

Мойша надулся. Доктор не понял, что обидного он сказал, пока Виктор на ухо не шепнул ему, что тот, мол, тоже еврей.

– Тьфу ты, сынок. Я ж без задней мысли, – пустился в извинения старый врач. – Везде люди есть, и везде они разные. Ты вот хороший парень, а этот ну... жид какой ни на есть, проходимец редкий. Ты на свой счет не принимай! А все же хорошо, что он намотал...

Мойша был несколько удивлен такой постановкой предложения, но промолчал.

После обеда явился к нему сантехник в прошлом, а ныне – замглавы городского ЖКХ Буравлев. Грубый, посредственный, хамоватый, он даже не соизволил представиться.

– Мне наверное того... анализы наверное надо? Заболел я.

– Чем, простите?

– Вши вроде, – вполголоса, слово стесняясь, проговорил Буравлев.

– На голове?

– Нет... тама...

– Понятно. Как диагностировали?

– Да ты чего?! Что ж, я не вижу или не понимаю?

– Что ж, сдайте анализы и приходите...

– ...Есть Бог на небе! – ударил ладонью по столу Витя Акимов.

– Чего ты?

– Этот Буравлев людям столько крови попил. Стольких обобрал, еще будучи простым сантехником, а уж когда должность дали, тут уж совсем берега видеть перестал...

– И ты тоже считаешь, что в болезнях Циммермана и Бу-

равлева есть социальная справедливость?

– Ну знаешь... Я такого не сказал, но уж из-за этих двух подлецов явно не стал бы землю рыть.

– Ладно, учту. Что с тобой такое?

– Щепетильная история...

У Мойши похолодели руки. Начало было интригующее и пугающее. Доктору казалось, он знал, что его коллега произнесет в следующую минуту.

– Я тут давеча перед днем рождения подарок решил себе сделать. Ну и посетил одно место прекрасное... И, по-моему, хламидиоз... Чешется жуть. И боли при мочеиспускании...

– У меня к тебе только один вопрос.

– Валяй?

– У кого ты был в тот день?

– Ну я же говорю, в доме досуга...

– Нет, я про персоналии.

– У Настьки, которая раньше в суде работала.

– Про которую в газете писали?

– Точно. А что?

Ах, не тому человеку задал вопрос доктор Акимов. Домоуправительница дома досуга Марья Степановна уже который день места себе не находила. С тех пор, как вызвал ее мэр и дословно передал слова главного врача городской больницы.

– Наши? Девчонки? Быть того не может! Они же все сте-

рильные!

– Ну что я, выдумывать буду, что ли? Говорят тебе – к санитарному врачу очереди буквально выстраиваются. Пони-маешь, чем это чревато? Пока мы еще можем очки втирать да глаза закрывать и следить за тем, чтобы у него ботало не распушалось больше положенного. Но сколько такое бу-дет длиться?

– И что же делать? Не закрывать же такое заведение.

– Конечно нет! И поэтому я ставлю перед тобой задачу – выяснить, кто разносит заразу и принять меры! Поняла ме-ня?

– Да как же я?..

– А это уж не мое дело. Не справишься – с работы снимем. Свято место пусто не бывает...

После этого диалога Марья Степановна потеряла и сон, и аппетит. Сидя сейчас за рабочим столом, она перебирала в уме все возможные варианты. И ее логика – логика опытной аппаратчицы и еще более опытной женщины – подсказывала ей, что отыскать иголку в стоге сена будет трудно. Если следовать ей, то все девчонки пришли сюда не с улицы – они были профессиональные проститутки, и раньше работа-ли по индивидуальным заказам. Если так, то все их прежние клиенты должны были перезаразиться и умереть от венери-ческих заболеваний задолго до того, как этот умник Мойша появился в пределах Озерска. Но ведь этого же не случилось! Здравый смысл отказывал Марии Степановне!

А ларчик просто открывался – трудилась себе в поте лица, рук, губ и всего прочего Настька, заслужившая с легкой руки мэра прозвище Машинистка, и поводу не давала сомневаться в своем профессионализме!..

Март 1847 года, Пеит.

Три дня кряду доктор Земмельвайс провел в химической лаборатории, разрабатывая универсальное средство для очищения рук. Когда его опыт по изготовлению хлорной извести и нанесению ее на руки без ущерба для кожи с целью уничтожения микробов, подошел к концу, он решился продемонстрировать открытие коллегам. Начать решил со своего друга доктора Коллечки. Велико же было его удивление, когда, поднявшись в ординаторскую, он узнал, что доктора третий день нет в клинике.

Не дожидаясь вечера, он поехал на Набережную Грааля, где жил Франтишек. Состояние, в котором он его застал, было поистине ужасным. В горячке, Коллечка лежал на кровати. Квартирная хозяйка фрау Кох кудахтали что-то, бегала вокруг него и меняла воду в кувшине. Доктор был бледен, его бил озноб.

– Франтишек! Что с Вами?

– Пустое, кажется, простудился. Должно пройти.

– Но почему Вы никому ничего не сказали?

– Не о чем беспокоиться, Игнац. Возвращайтесь в клини-

ку и не волнуйтесь обо мне.

– У Вас жар! Сколько по времени он держится?

Тот молчал.

– Вы что-то скрываете! Что случилось на самом деле? Перестаньте записывать, от этого Ваша жизнь зависит.

Коллечка посмотрел на друга пронзительным жалобным взглядом.

– Моя жизнь уже не зависит ни от чего, кроме воли Всевышнего. Третьего дня я случайно порезался во время вскрытия в прозекторской, когда подменял Хоффмана после его дня рождения.

– Гангрена?

– Хуже. Родовой сепсис. Все признаки те же. Вы были правы – он заносится роженицам именно через руки тех, кто работает одновременно с трупами.

– Господи, Франтишек, но надо же что-то делать!

– Со мной кончено. Спасайте жизни матерей, сделайте что-то, что сможет обезопасить их от этого ужасного недуга впредь.

– Я ехал к Вам специально для того, чтобы сообщить, что отныне все посетители операционной будут обязаны обрабатывать руки раствором хлорной извести. Она, по результатам моего исследования, убивает сепсис, переносимый на руках докторов.

– Это великолепно! – Коллечка оживился, и Земмельвайсу на минуту показалось, что ему даже стало легче.

– Теперь все изменится... А Вы... Я буду бороться за Вашу жизнь, обещаю, Франтишек.

– Бесплезно стучать в дверь, которую Господь навсегда закрыл. В то же время перед Вами и всей медицинской наукой сейчас открывается другая, пройдя через которую, Вы сможете спасти десятки и сотни тысяч человеческих жизней. Прошу Вас, Игнац, дойдите в этом благом начинании до конца. Ради меня и моей смерти. Ради жизни. Ради жизни на Земле!

Захлебываясь от слез, шел Игнац Филип Земмельвайс вдоль набережной, глядя, как быстрые воды Буды омывают камни пристани, и думал, и сожалел только о том, что человек лишь ничтожная, слабая песчинка, которой временами кажется, что она может почти все, но стоит ветру дунуть чуть сильнее обычного, как она даже не может удержаться на ладони...

От чтения Мойшу отвлек главный врач, показавшийся на пороге его кабинета.

– Что читаешь?

– Биографию Земмельвайса.

– Кто такой?

– Врач венгерский.

– Хмм... Понятно. Повышаешь культурный уровень? Это хорошо. Как дела?

– Все ничего, работаем. С эпидемией боремся по ме-

ре сил.

– Это хорошо.

– Да не очень. Адвокат и глава городского ЖКХ все с теми же жалобами приходили.

Главный расхохотался – реакция была предсказуема.

– Жлобы. Так им и надо. Ты бы им бесплатно не выписывал рецептов, пускай помучаются.

– Так они жаловаться будут!

– Мне! А я их еще помариную... Будут знать, прохиндеи...

– Федор Федорыч...

– Ладно, ладно. Я вот, что зашел. Ты знаешь, что у нас бомжи помирают пачками?

– Я даже знаю от чего. От отравления.

– Вот!

– От отравления алкоголем. И все это – из-за того, что по моей инициативе закрыли столовые 15 и 47. Там им продавали хоть дешевый алкоголь, но которым все же нельзя было отравиться, а теперь один боярышник. Вот и смертность прыгнула. А кто виноват? Вы да я. Да мэр.

– Ты это брось. Если бы в самогоне было дело, полиция бы уже давно все лавочки прикрыла.

– А ей зачем? Рука руку моет.

– Я пришел сюда не слушать твои домыслы, – резко оборвал его главврач.

– А зачем?

– На совещании с мэром было принято решение. Отравление, послужившее причиной смерти четырех бомжей, было пищевое. На прилавки города поступает сельскохозяйственная продукция, у которой сейчас повышается вероятность вирусных инфекций – сезонная. Основным поставщиком является колхоз «Приозерный». В этой связи решено его деятельность приостановить до окончания результатов расследования...

– Которое даже вестишь не будет. То есть – навсегда!

– Гляди ты какой умный! Тебе-то что? Ты сюда работать приехал или ума вправлять? Ты может на мэрское кресло метишь? А, может, на мое? – последняя фраза прозвучала как подозрение в государственной измене. Мойша отшатнулся от собеседника – никаких подобных мыслей у него отродясь не было.

– Работать, конечно.

– Вот и славно. Тебе представляется уникальная возможность это сделать. Вот акт о приостановке деятельности колхоза. Подпиши как санврач.

– Но, Федор Федорыч...

– Ты меня плохо понял?

Сдался молодой доктор под натиском административного ресурса. Недовольный покинул его кабинет главврач – не привык он к таким пререканиям, да и напор Моисея Самуиловича насторожил его. Давненько тут таких правдоискателей не было. И если Мойша читал биографию Земмель-

вайса, то Федор Федорыч еще с института помнил биографию Джордано Бруно – был один такой, тоже правды искал среди, как он считал, темного общества. Ну и осветил потом эту темноту костром, на котором сам сгорел...

Катя застала Мойшу, чуть не плачущего за столом в своем кабинете.

– Что опять?

– Они колхоз закрыли.

– Ну и что? Ты-то что плачешь?

– Ты представляешь, сколько человек теперь из-за меня останутся без работы?! Это катастрофа! ЧП районного масштаба! И я к нему причастен напрямую!

Катя вздохнула.

– Послушай. Ты не должен так убиваться из-за этого. Ну подумай сам, что было бы, если бы ты не подписал акт? Если бы ты один взял и выступил против, послушали бы они тебя?

Доктор отрицательно мотнул головой.

– Главный бы сам его подписал, он имеет право.

– Вот! Так чего убиваться?! Ты высказал ему несогласие, то есть сделал, все, что мог... хотя и этого делать не следовало, – добавила она уже тише.

Мойша посмотрел на нее влюбленными глазами. В трудные минуты поддержка любимого человека способна творить чудеса. А друг, как известно, познается в беде. То участие, которое она сейчас проявила по отношению к нему,

сказало о ее отношении лучше тысячи слов. Он встал из-за стола, подошел к девушке, обнял ее искренно и тепло. Она ответила ему взаимностью. «Значит, точно понравился», – улыбаясь, думал Мойша.

– Здорово, Митрич.

Грустный председатель брел по колхозному полю. Он пережевывал в зубах папиросу, тяжело переживая полученную новость. Пока он даже не знал, как сообщить о ней колхозникам.

– Здорово.

– Чего нос повесил? – не унимался Степка, веселый молодой парень, местный конюх.

– Да... В городе был.

– И чего?

– Новости хреновые. Колхоз наш закрывают.

– Вот те раз! За что же?!

– Какую-то заразу в городе нашли, вот и закрывают.

– А мы тут причем?

– А кто все продукты в город поставляет?

– Так у нас все чистое, свежее!

Председатель вдруг вскипел:

– Да ты что, в самом деле?! Я, что ли, всю эту галиматью выдумал? Поди втолкуй мэру, слушать ничего не хочет!

– А ты найди слова! Чего ты? Ты хоть понимаешь, чем все это может кончиться? Сколько народу без работы останется

опять как тогда, после перестройки? Помнишь, что тут творилось? С каким трудом удалось все восстановить, заново отстроить, а ты – руки опускать?!

Все это председатель знал и без его увещаний, а от постоянного повторения печальных истин легче ему не становилось. Он отмахнулся от конюха и побрел дальше.

Степан же, которого со вчерашнего дня мучило похмелье, вмиг отрезвел и побежал на МТС, где обычно собирались после работы все колхозные мужики. С треском из динамиков, с покручиванием ручки приемника заработало сарафанное радио.

– Слыхали, мужики?! Колхоз закрывают!

– Да ну?

– Да ладно, кого вы слушаете? Опять лишнего принял да шутишь поди?

– Гадам буду. Сейчас Митрича встретил, идет чернее ночи. Я – чего? А он – мэр колхоз закрывает. Якобы нашли в городе какую-то заразу, и мы теперь виноваты как поставщики продуктов.

– Что за ерунда?

– Погоди, погоди, а я чего-то такое слышал. В газете, кажись, писали, что от водки какой-то бомжи стали помирать в Озерске.

– А причем тут мы и водка?

– Не знаю, – не унимался Степка, – только из-за этого и закрывают.

– Быть не может! – отрезал пастух Кузьмич, старейший из колхозников. – Что-то тут не чисто. Наверняка мэр с нашим Митричем затеяли чего-то. Гляди сейчас закроют под видом борьбы за качество, а Митрич колхозное добро в карман, Иванычу доляну и за бугор. А мы тут живи, как хошь!

– Верно говоришь, Кузьмич... Я тоже думаю, решили и наш колхоз под нож пустить. Мэр вечно жалуется, что средств в бюджете не хватает. Ага, на взятки да на виллы не хватает ему, козлу! Давно уже к нам присматривается, да не знает, как начать. А тут, видать, сговорились с Митричем – и решили с молотка нас пустить, а себе мошну набить!

– Не бывать этому! – завопил Степка.

– А что делать-то, дурень?

Посмотрел на спорщиков Кузьмич и, махнув рукой, подо- звал к себе – идите, мол, скажу чего.

Вечером у дома председателя собралась толпа с вилами и прочим подручным инвентарем. Завидев такое, Митрич выскочил из дома как оголтелый.

– Вы чего? Чего тут?

– Правду говорят, что колхоз закрывают?

– Ну.

– А ты чего?

– А я чего? Я как и вы – мэру сказал, а ему хоть бы что! Считает, что от нас отравка идет. Сезонная потрава мяса ко- ровьего, он и думает, что из-за этого люди помирают.

– Да они от водки мрут!

– Ему про это и скажи! Чего здесь-то орать? Мне, думаешь, хорошо от того, что закрывают колхоз? Я работы лишась, а у меня трое детей на шее!

– Мы все лишаемся, только по-разному, – рассудительно произнес Кузьмич. – Говорят, и кошка терпит на печи, и собака под забором. Ты вон завтра с денежками да с паями нашими в город – фить! – и только тебя и видели. А мы тут с голодухи подохнем!

– С какими паями?

– С теми самыми, что потом продашь городским браткам, чтоб они на наши землях бордели устраивали... дома досуга, мать его!

– Да ты чего несешь, Юрий Кузьмич?!

– А ничего! Только не верим мы с мужиками тебе!

– И что мне прикажешь делать в таком разе?

– А давай-ка нам денежный эквивалент паев наших! И тогда можешь закрывать колхоз и что хочешь делать! А нет – силой возьмем!

– Ну бери! Что найдешь – все твое!..

Русского человека о таких вещах, как экспроприация, два раза просить не надо – тут он впереди планеты всей! Разграбили дом председателя за два часа. Его самого избили до полусмерти – хорошо, что не убили. Следовательно же приехал только через сутки после случившегося. Понятное дело, что никаких следов не осталось, и никто из колхозников ни в чем сознаваться не спешил. И не потому что ответствен-

ности боялись, совсем нет – просто если бы сознались, пришлось бы отдавать награбленное, а это в планы лихоимцев никак не входило.

Только Кузьмич, выходя от следователя, не досчитался среди его сегодняшних посетителей одного человека, который грабил бойчее всех, а теперь спрятался куда-то – Степки-конюха.

Степан же на следующее же утро после ограбления председателя решил отправиться покорять райцентр. Приехав в город, первым делом отправился... конечно, в дом досуга. Деньги жгли карман, и не спустить их на какую-нибудь городскую красавицу было ниже гусарского достоинства.

Явившись в дом досуга, ударил толстой пачкой сотенных купюр по столу перед администраторшей и скомандовал:

– А-ну, подавай мне самую красивую, что тут у вас есть.

Администраторша уже знала, кого пригласить.

Настена явилась в красном кружевном белье – глаз не отвести. Мало того, что сама красавицей была редкой – родительские гены сделали свое, без преувеличения, замечательное дело, так еще и обмундирование сегодняшнее не позволило пройти бы мимо даже трупу. Молодой, пышущий здоровьем организм Степана среагировал на столь же молодой и здоровый организм Насти, встретились сначала их взгляды, а уж потом и генофонды – да причем между первой и второй встречами ладно, если несколько секунд прошло. Администраторшу чуть током не ударило от соприкосновения

двух перезаряженных частиц.

А их било – дай дороги! Причем до самого вечера! Уж так молотило, костей не соберешь. «Уж сегодня-то Настена все денежки до копейки отработает, изъездит ее этот молодец», – злобно перешептывались девахи в курилке. А ей все ничего! Вечером вышла, воды попила – и опять за работу, в «ночное»! Стахановка! Многостаночница!

То-то и вышло, что воротился Степка в родное село к ночи. Кузьмичу не спалось – стоял, повиснув на плетень у своей калитки.

– Где шлялся?

– О, здорово, дядь Юр, чего не спишь?

– Где шлялся, спрашиваю?

– Не поверишь! В городе был! В доме досуга ихнем!

– Ишь ты! Ну и как там? Как шлюхи?

– Зря ты так, дядь Юр! Очень даже справные девицы. Особенно одна – Настька-Машинистка, что раньше в городском суде служила! Огонь! Ммм!

– А слюни-то распустил! Неужели лучше наших?

– Ага!

– Врешь!

– Точно. Женюсь, наверное.

– Чего?! Я тебе женюсь! – замахнулся на парня Кузьмич. –

Вон вишь у Маньки свет горит?

– Ну.

– Весь день про тебя спрашивала.

– Ну и чего?

– Чего-чего, дурень! Ступай! Сравнишь! И подумаешь, на ком жениться-то надо!

Много ли парню надо?! Хохотнул, молочка парного испил – и снова в бой, нечего, понимаешь, Настькам всяким уступать! И Кузьмича-старика порадовал, и демографию родного села улучшил. Вот только... как пишут в медицинских справочниках, «география болезни расширялась».

Не знал об этом только Моисей Самуилович. В тот вечер он, как обычно, провожал Катю домой, а по дороге они разговаривали.

– Послушай, – говорил он ей. – Ты такая образованная, рассудительная, начитанная...

– И?

– Никогда не возникало мыслей, чтобы уехать отсюда?

– Куда, например? – Она слушала его, улыбаясь, как слушают родители детей. Это подкупало его в ней.

– Ну например, в Москву.

– А чего тебе там не сиделось?

– Ну...

– Ну вот сам и ответил. Не место красит человека, а человек место. Если человек хороший и... цельный, то неважно, в Москве он или в Озерске, или еще где – любые двери ему откроются. Если с умом подходить к ним. А если иначе – сколь ни пыжься да ни прыгай между городами да весями, толку не будет.

Мойша сделал вид, что немного обиделся.

– Ты хочешь сказать, что я никчемный?

– Дурачок, – она ласково улыбнулась, глядя ему в глаза.

Потом встала на цыпочки – он был выше ее – и нежно поцеловала в губы. Соловей запел вдалеке.

4. Сепсис

Николай Иванович вернулся домой за полночь. Хотя его подобные ночные возвращения не были редкостью с тех пор, как он занял пост городского головы, сегодня все было иначе – супруга, диссонируя с заведенным распорядком времени отдыха, не спала и поджидала его на кухне при включенном свете.

– Чего не спишь? – осведомился уставшим голосом Николай Иванович.

– Тебя жду.

– А чего меня ждать? Вопрос какой?

– И очень серьезный. Где ты был?

– И очень глупый, должен добавить. Где я могу еще быть, как не на работе?!

– Известно где, – подбоченилась Зинаида Никифоровна. – В борделе этом своем. Теперь оттуда вообще весь город не вылезает.

Мэр опустил глаза – оправдываться он не любил.

– Даже если и там, то только по производственным вопросам.

– Это по каким же, интересно? Выполняют ли план? Справляются ли с задачами ЦК партии? Может, помочь довелось?

– Что ты ерунду порешь...

– А ничего. Я с женой Ильинского говорила, так он вообще дома ночевать перестал. Я чувствую, и ты скоро тоже...

Повисло напряженное молчание. Женщины обычно в таких случаях начинают плакать, но Зинаида Никифоровна эту дамскую слабость из своей жизни исключила много лет назад – она с титанической стойкостью смотрела на мужа, так, что, казалось, прожигала его взглядом. В конце концов Николай Иваныч сдался первый.

– Ну чего ты от меня хочешь?

– Того же.

– Чего – того же? – холодный пот прошиб городского голову. Так бывало всегда, когда его двухсоткилограммовая супруга намекала на грядущую интимную близость.

– Тоже туда ходить.

– Вот те раз. Это как же понимать?

– А так. Или, скажешь, ты там ни разу не был?

– Был, но по производственным...

– Ладно, хватит, – махнула рукой Зинаида Никифоровна, не желая слушать продолжение его оправданий, тем более, что они были совершенно абсурдными. – Знаю я все, не заливай!

– Ну, допустим, проверил лично на себе пару раз качество оказания услуг. Между прочим, проверка качества по городским МУПам пока еще входит в мои обязанности!

– Эти свои речи можешь оставить для избирателей! А у нас пока еще гендерное равноправие. Мы с женщинами

посоветовались и решили тоже туда ходить. Таким образом, я тебя ставлю перед фактом...

Николай Иванович сначала было вскипел, заподозрив малопривлекательную и вообще малонужную ему жену в супружеской неверности, но затем слегка пообмяк и даже улыбнулся. Зинаида Никифоровна явно не ожидала такой реакции от мужа.

– И чего ты лыбишься?

– Да вот представляю, что вы там будете делать.

– То же самое, что и вы... – надменно бросила супруга, но внезапно поняла, о чем говорит городской голова.

– Да? Любопытно, с кем? Сами с собой? Не думаю, чтобы тамошний коллектив вас удовлетворил. Да и потом тогда придется с мужьями разводиться – кто ж захочет с лесбиянками жить? У нас сама знаешь, какое отношение к нетрадиционным ориентациям.

– Ах ты, кобель! – не сдержалась Зинаида Никифоровна. – Это ты специально так все устроил, да? Специально только о себе позаботился?

– Чего ты несешь? Что я устроил? Я городской бюджет пополняю!

– А за счет женщин нельзя городской бюджет пополнять?

– И как ты себе это представляешь? Мужья им зарплаты отдают, пашут на них, а они на честно заработанные будут бордели посещать?! Так?! Да меня мужики с костями съедят за такое! С работы снимут к чертовой матери, а бюджет вме-

сто запланированного профицита вообще в трубу вылетит!

– Да почему?! Почему, я спрашиваю?! Тебе можно, выходит, а мне нельзя!

– Да потому что когда я ебу – это мы ебем. А когда тебя ебут – это нас ебут! Запомни уже раз и навсегда. Ключ, который открывает несколько дверей – хороший ключ. А замок, который открывается любым ключом – это хреновый замок!

– И все-таки это волюнтаризм! Права женщин уже во всем мире соблюдают, а вы... Ничего, найдем мы на вас, стервцов, управу, еще как найдем!

– Давай, ищи! Борщ в холодильнике?

– В холодильнике.

Во время ужина Николаю Ивановичу, которому супруга и так порядочно подпортила аппетит, не давала покоя мысль о том, что дом досуга постепенно становится разносчиком заразы. Дураку понятно, что этот новый врач, Мойша, прав. И надо с этим что-то делать. Вот только справится ли Машка, найдет ли источник болезни? Эх, обо всем на свете приходится думать городскому голове. И спрос-то с него больше, чем со всех остальных вместе взятых. И главное, ни отдыха, ни передышки...

Затолкав в себя остатки борща, Николай Иваныч улегся спать. Сделал вялую попытку домогаться супруги – та отказала. И слава Богу, подумал городской голова, одной проблемой меньше, отвернулся к стенке и заснул до самого утра.

Однако, не ему одному пришлось сегодня вечером выслушать нотацию от второй половины – его заместитель Кузьмин, придя домой, напоролся на те же грабли. И хотя предмет дискуссии был несколько отличным, озадачила она Виктора Федоровича не меньше, а может, и больше, чем его начальника.

Домой он пришел раньше мэра – в отличие от стареющего Николая Ивановича, он не был поклонником подобных заведений, поскольку поддерживал великолепные отношения с женой, бывшей моложе его на 20 лет и имевшей отменную репутацию и исключительную внешность. Вручив супруге ежевечерний букет, он прошествовал на кухню, где ему и предстояло услышать сногшибательную новость.

– Как прошел день? – дежурно спросила его двухметровая блондинка с параметрами Памелы Андерсон, уже 10 лет – со времен окончания института – носившая подаренное им обручальное кольцо с бриллиантом.

– Сложно, милая, сложно...

– Сожалею. У меня тоже не очень...

– Что случилось?! – Виктор Федорович очень любил свою жену и потому всегда крайне тревожился, когда у нее по работе случались какие-то проблемы – решать-то их ведь приходилось ему. А проблемы всегда случались именно в бизнесе, которым занималась жена чиновника – иные, если и были, она решала сама.

– Да вот, популярность падает. Все на доходах отражается.

Сегодня читала декларацию о доходах – упали практически в два раза по сравнению с предыдущим месяцем.

– Так ведь сезон строительства заканчивается, сама же понимаешь, обычное дело...

– И салоны красоты стали меньше приносить. Значительно меньше.

– Вот те раз! Это-то с чего?!

– А с того. Жены-то больше не прихорашивают для своих мужей – к чему, если те львиную долю времени в доме досуга проводят? Спрос на услуги падает не по дням, а по часам.

– Ну давай поборемся с конкурентами. Давай я салон Смоляковой закрою.

– Если бы все было так просто, – вздохнула жена вице-мэра. – Я с ней разговаривала, у нее та же история. Хуже ведь другое – дом досуга приносит огромный доход местному бюджету, а потому вероятность того, что закроют, очень мала. Это значит, что доходы салонов красоты будут падать и падать. Значит, надо быстрее переобуваться и продавать его.

– Но ведь в нем же была твоя жизнь, как ты сама говорила...

– Ну а что делать?! Тут бы основной, строительный бизнес не пострадал, уж не до жиру.

– А с ним что не так?

– Сам смотри, – жена развернула перед Виктором Федо-

ровичем последний номер «Озерского рабочего». – Раньше что здесь, что в ведомостях на первой странице была моя реклама. А сейчас что? Реклама дома досуга. Раньше в разделе «Для дома, для семьи» были мои советы по сохранению красоты. А сейчас? Интервью с Настькой-Машинисткой как она минеты строчит посетителям все того же дома досуга! Ну что это?!

– Господи, рыбка моя, давай я дам газетчикам команду...

– Витенька, – не по годам умная жена даже не стала дослушивать супруга, – ты живешь в 21 веке. Административными запретами уже ничего, кроме излишнего внимания к своей персоне со стороны правоохранительных органов, не добьешься. СМИ не задушишь, не убьешь – это же четвертая власть! Да и не такой реакции я от тебя ожидала.

– А какой? – недоумевал вице-мэр.

– А нормальной. Понимаешь, СМИ есть выразитель общественного мнения, с которым если не считаться, то хотя бы прислушиваться к которому – обязательно! Если они об этом пишут, значит, того требует народ. И если, согласно их данным, моя популярность падает, значит, так оно и есть.

– Что же делать?

– Я знаю. Только обещай мне, что поддержишь мое начинание, каким бы странным оно тебе ни показалось!

– Обещаю, конечно.

– Смотри. Моя популярность падает, а борделя- растет. Значит? Я должна устроиться туда на работу!

– Ты с ума сошла!

– Ты обещал!

– Да что ты такое говоришь! Моя жена будет проституткой?!

– Во-первых, не проституткой, а главным специалистом, придерживайся, пожалуйста, официальной терминологии. А во-вторых, это здорово поднимет мой рейтинг.

– Как это?

– А так. Клиентов я буду брать не всех, а только самых важных – крупных строителей, поставщиков, заказчиков. Сам же знаешь, после этого дела в постели мужики мягкие как понос. Что я им шепну, то и сделают – а ты также знаешь, что в своем деле я спец. Насоветую в самый подходящий момент клиентоваться в моей фирме – и все, дело сделано! Представляешь, сколько народу в день через бордель проходит! Как можно поднять свои доходы только за счет рекламы внутри него?!

– Ушам своим не верю...

– Ну миленький, – защебетала Вероника, обвивая плечи мужа прекрасными руками Галатеи. У Кузьмина защемило сердце – он смотрел на них, гладил их и не мог поверить, что скоро они будут ласкать кого-то другого, третьего, пятого. А в том, что будут, сомнений не было – упорство его супруги было просто фантастическим. – Это же не навсегда. Поработаю месяц-другой, и вернусь. И потом это положительно скажется на наших отношениях...

– Господи, перестань, прошу тебя.

– Это ты перестань! Мы соскучимся друг по другу, обновим отношения, освежим кровь. Это же сказка, рай, что будет!

– А как же... любовь?

– А любовь не страдает. Любила и буду любить я тебя одного, ты же знаешь!

Опустил глаза Виктор Федорович. Тяжко было слышать все это и заставлять себя мириться с этим, но, как видно, делать было нечего. Поцелуй в лоб от жены был равносильен, пожалуй, пуле. Тело его жило, но душа после такого разговора казалась навсегда почившей в бозе.

Тем же вечером Мойша по традиции провожал Катю.

– Послушай, я давно хочу тебе сказать...

Она внимательно посмотрела в лицо доктора.

– Знаешь, среди огромного количества каких-то странных людей, которыми населен этот город, ты почему-то кажешься мне наиболее нормальным человеком...

– Оригинальный комплимент.

– Это не комплимент, это другое. Понимаешь, я много думал об этом. Вот вы, женщины, например, прежде, чем начать с кем-то отношения сразу проецируете этого человека на позицию будущего мужа. Ну представляете, как он будет выглядеть в рои главы семьи, отца, защитника и так далее. Ты будешь смеяться, но мы занимаемся тем же самым.

И с того самого дня, как я тебя узнал, когда мы втроем сидели в кабинете и отмечали мое вступление в должность, ты показалась мне особенной. Я начал строить эту мысленную проекцию, в которой видел тебя своей женой и матерью своих детей. И, знаешь, у меня это получается с каждым днем все лучше и лучше, картинка все отчетливее и отчетливее...

– Это как же понимать? Такое нестандартное предложение руки и сердца?

– Я не хотел показаться банальным.

– Что ж, тебе удалось. Только где гарантия того, что с другой эта твоя мысленная картинка не будет столь же идеальной?

– Не знаю. Жизнь. Никто ни от чего не застрахован. А все же решать надо. Как говорил Марк Твен, лучше сделать и потом жалеть, чем жалеть о том, что не сделал.

– Ну... – выдохнула Катя. – Во-первых, предложение принято к рассмотрению, а во-вторых... Как ты представляешь себе наше будущее? Где, например, мы будем жить?

– Только не здесь. Уедем в Москву.

– Почему не здесь? Это мой родной город.

– А там – мой родной город. И потом я не хочу, чтобы мои дети росли в обстановке эпидемии триппера и публичных домов. Так недалеко и до публичных опиумных курилен и наркопритонов, про которых будут писать в газетах как про санатории – профилактории. Выйдет какой-нибудь умник с предложениями о том, что ганж лечит рак, и вперед!

Газетчики подхватят, вклеят цитату Президента, мэр разрежет ленточку – и еще один гвоздь в крышку гроба общественного сознания.

– Опять! Пойми ты наконец, что общество всегда и везде – здесь, в Москве, еще где-то – дурно влияет на человека. Трудность жизни индивидуума в том и состоит, чтобы не дать ему, этому обществу, сделать из себя своего адепта, покорного барана в стаде, отправляемом в забой.

– Это понятно. Но если есть возможность в этом конвейере мясокомбината отойти от забоя подальше – лучше отойти.

Катя молча смотрела на своего спутника. Им обоим сейчас казалось, что город, в котором они познакомились и сблизилась – это огромный океан, исполненный акулами и муренами, а они двое – это маленький в нем островок. Итальянский поэт говорил, что каждый из нас – ангел, но только с одним крылом, и летать мы можем, только обнявшись друг с другом. Влюбленные крепко обнялись и в эту минуту им показались эти акулы и мурены уже не такими страшными, а созданный ими островок – не таким уж и маленьким для жизни. Во всяком случае, на нем смело могли уместиться и они, и их дети, и дети их детей. А что еще надо человеку для счастья?..

Когда Катя вбежала в свой подъезд, а Мойша по привычке постояв несколько минут и увидев, как зажигается свет в ее окне, побрел в сторону дома, его вдруг окликнул знакомый голос:

– Эй!

Он обернулся. Любимая сияла улыбкой и смотрела на него из окна.

– А это не Марк Твен сказал!

– Что?

– Ну что лучше сделать и жалеть, чем жалеть о не сделанном.

– А кто?

– Веллер. Бее, – она показала ему язык и скрылась за шторой. Он улыбнулся и, казалось, глаза его повлажнели – то ли от яркого света, бьющего из ее окна в ночи, а то ли – от счастья.

Утро выдалось для всей городской администрации просто ужасным. Мало того, что у мэра и его первого заместителя, дома творилось черт знает что в связи с нововведениями в городской инфраструктуре, так еще и перед зданием собрался какой-то стихийный митинг, на который городские власти не давали разрешения. И хотя он был малочисленный, после утренней планерки, мэра все же заинтересовала суть требований собравшихся.

– Да черт их знает, бабы какие-то... Это, по-моему, с завода металлоконструкций, зарплату пришли требовать, – Кузьмин только отмахивался от вопросов мэра, не отрывая головы от бумаг. Заместитель был непривычно хмур и рассеян, мэру было непривычно видеть его таким.

– Что с тобой? Не спал, что ли?

– Да какое там! Моя знаешь, чего отмочила?

– Чего?

– На работу в борд... в дом досуга собралась устраивать-ся!

Мэр выпучил глаза от удивления:

– Шутишь? Ей-то зачем?

– Популярность, говорит, падает. Пиар ход решила сделать.

– Хе, – усмехнулся городской голова. – Ну бабы! Совсем с ума посходили! А моя вчера заявила, что требует равноправия, чтобы мы, значит, мужской коллектив в дом досуга навели, и они тоже могли его посещать.

– По-моему, открыли мы с тобой ящик Пандоры...

– Не бзди, все в наших руках. Пока из этого ящика только файда городскому бюджету сыплется, так что... общественные интересы для нас выше личных... Черт, да что это за бабы-то?! Выйти, что ли?

– Пойдем.

Стоило мэру и его первому заместителю переступить порог мэрии, как они замерли в немом оцепенении. На плакатах, которые женщины держали в руках, значилось: «Даешь мужиков в дом досуга!», «Даешь досуг для женщин!», «Требуем равноправия!», «Мы тоже люди» и тому подобное.

– погоди, я узнаю, чего они хотят, – Кузьмин шагнул навстречу толпе, но мэр остановил его.

– Я и без тебя знаю, чего они хотят.

– Не понял?

– Они мужиков требуют.

– Каких мужиков?

– Я ж тебе рассказывал, в дом досуга мужской коллектив!

Чтоб самим, значит, пользоваться...

Голос мэра подхватила одна из протестующих.

– Конечно! Мы, что, не люди?! Работаем и устаем не меньше вашего! Вам можно, а нам что же?..

Тут взгляд мэра привлекла машина местного телевидения, показавшаяся у въезда на площадь.

– Твою мать, этого не хватало... Дорогие женщины! Обещаем вам принять меры по устранению этого недостатка и как можно скорее! Только расходитесь, пожалуйста!

– Чего?! Правда глаза колет? – разошлись бабы.

– Митинг не санкционирован! Сейчас полицию позову!

Марш отсюда!

– Так будут мужики-то?!

– Будут, будут, такие мужики будут, что вы все на свете забудете, только расходитесь, пожалуйста...

Участницы сборища стали разбредаться, когда подоспела съемочная группа.

– Здравствуйте, Николай Иванович. Что здесь такое происходило? – наставив камеру на мэра, вопрошал репортер.

– Ничего, вам показалось.

– Кажется, женщины чего-то требовали.

– Это работницы завода металлоконструкций. Там образовалась некоторая задолженность по заработной плате. И сегодня у ворот завода проводится санкционированная забастовка сотрудников. Вот туда прошу, пожалуйста.

Спустя минуту мэр и Кузьмин в сопровождении машины тележурналистов ехали к зданию завода.

– Ты чего? Ты зачем их туда потащил? Нам нужен этот скандал с прокуратурой?

– Ты дурак?! Лучше было бы, если бы они узнали про бор... дом досуга?! Тогда нам точно головы не сносить! А тут из двух зол выбираем меньшее...

Велико же было удивление приехавших, когда у ворот завода никакой манифестации они не увидели. Дворник разметал мусор в разные стороны и клубил пыль. Задыхаясь от нее, Кузьмин спросил у него:

– Тут же забастовка должна была быть!

– Знамо дело, должна. Да нету, как видишь.

– А где же... все?! Да прекрати ты мести, когда с тобой разговаривают! Видишь, журналисты приехали, снимать хотят...

– А чего тут снимать? Меня разве?

– Так где работницы-то?

– Знамо где – у борделя...

– У дома досуга?

– У него.

– А чего они там делают?

– Да они собрались к девяти, все чин чином было. А потом одна, Манька, многостаночница, говорит: «Чего, мол, от этих бюрократов чиновных ждать? Все равно ни хрена не заплатят! Лучше пошли, девки, работать в дом досуга! Там и зарплаты выше, и работа легче, и платят своевременно». Все и ушли.

– Мать твою, – ударил себя по лбу Кузьмин и опрометью бросился к мэру. Прошептал ему что-то на ухо и спросил вслух:

– И что будем делать?

Репортеры меж тем почуяли неладное:

– Так а где бастующие?

– Делать нечего, – развел руками мэр и ответил, обращаясь к журналистам: – Видите ли, у нас тут недавно открылось заведение... «Дом досуга трудящихся» называется. Гражданки отправились туда... чтобы, так сказать, устроиться на работу. Как говорится, сколь потопаешь, столь и полопаешь. Прошу, сейчас мы туда и поедем...

– Ты что делаешь? – в недоумении дергал его за пиджак Виктор Федорович.

– А что мне прикажешь делать? Хочешь, чтобы они сами нос туда сунули, а потом ославили нас на всю область? Лучше уж мы сами укажем, что снимать и как. Авось, удастся задобрить. Может, натурой возьмут.

Приехали к дому досуга. Ох и народу же здесь было! От мала до велика – и работницы завода металлоконструк-

ций, и интеллигентные женщины, и школьницы со студентками, и даже с грудничками роженицы. Все держали в руках заявления и трудовые книжки. Репортеры приблизились к одной из женщин.

– Простите, как Вас зовут?

– Мария Ильинична.

– Кем Вы работаете?

– Работала. Учительницей в школе. Теперь вот сюда хочу устроиться.

– Что повлияло на Ваше решение?

– Наличие трех детей. Вас бы устроила крайне нерегулярно выплачиваемая зарплата в 10 тысяч на семью из четырех человек? Вот и мне надоело. А здесь и платят достойно, и вовремя, и работа... кхм... Одним словом, можно расслабиться и получать удовольствие. Ахаха! – бойко поправила грудь собеседница.

В недоумении журналисты. Идут дальше.

– Добрый день, представьтесь пожалуйста.

– Даша.

– Кем Вы работаете, Даша?

– Я студентка.

– Почему здесь?

– Шла мимо. Смотрю – очередь из женщин. Поинтересовалась, что да как. Сказали, что пришли устраиваться на работу в дом досуга. Условия труда понравились, решила подработать на время каникул. А что – все же лучше, чем у ро-

дителей на шее или диван просиживать. Так и с пользой для себя, и для здоровья, и для городского бюджета.

Журналисты – к мэру.

– Николай Иванович, что же это?

Довольный смотрит на них городской голова.

– Это, можно сказать, озерское экономическое чудо. Дом досуга. Отдых для граждан и источник профицита для бюджета.

– В чем же его функциональные особенности?

– Знаете... лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Пойдемте, сами все посмотрите...

Пока мэр водил журналистов по старому купеческому дому и демонстрировал гостям его интерьеры, его заместитель времени даром не терял.

– Манька! – кричал он Марье Степановне. – Ищи скорей Настьку-Машинистку, срочно она нужна!

– Так она работает!

– Без разницы, снимай с клиента, пусть готовится журналистов обслуживать. Плохо обслужит – с нас областное начальство головы поснимает!

– Ладно, поняла, Виктор Федорович, сейчас... Виктор Федорович?

– Ну чего еще?

– Тут это... жена Ваша приходила... на работу устраиваться... документы подала...

– Ну а ты что?

– А я и не знаю, что делать.

– Эх, – вздохнул Кузьмин. – Принимай. Инициатива к труду для нас всегда в почете...

В больнице меж тем раздавали расчетные листки. Содержание их оставляло медперсоналу желать лучшего. Катя появилась на пороге кабинета Мойши чуть живая от гнева.

– Что с тобой?

– А ты не догадываешься? Расчетки по зарплате видел?

– Ну...

– Баранки гну. У тебя сколько?

– 15 000.

– А у меня в два раза меньше!

– Почему?

– Потому, милый, что я, в отличие от тебя, простая медсестра, а ты врач! И то копейки получаешь! Эх, блин, понимаю я Настену.

– Какую?

– Помнишь, я тебе рассказывала про подругу, которая сначала в суде работала, а потом устроилась в... ну... ты понял, куда?

– Ах, да. И что же, теперь ты решила принять мое предложение и поступить туда на службу?

– Я, между прочим, сегодня утром знаешь, что видела?

– ???

– Огромную очередь возле дома досуга. Из женщин, кото-

рые туда пришли на работу устраиваться. С завода металлоконструкций почти весь женский коллектив. А еще учителя, врачи, студентки, многодетные матери. И все – за длинным рублем. А еще говорят, жена нашего вице-мэра тоже...

– В проститутки подалась?

– В специалисты МУПа. Придерживайся терминологии, пожалуйста.

– А она-то что там не видела?

– Потому что престижно. Вон – про Настену уже и в газете написали, и тележурналисты с области приезжали сегодня снимать. Дом досуга – в центре внимания, один ты критикуешь, все тебе не слава Богу...

Мойша с подозрением посмотрел на Катю – еще не стала женой, а уже нотки надменной и нравоучительной критики звучат в ее голосе. Пресекать такое надо с молодых ногтей.

– Не хочешь ли ты сказать, что и тебе следует туда устроиться?

– Почему нет? Зарплата не в пример выше нашей, платят своевременно, да и для здоровья полезно...

– Что?!

– Ну сам же знаешь, врач ведь – нам, женщинам, секс для здоровья нужен, причем в большом количестве.

– А то, что этот бордель...

– Дом...

– Бордель!.. является разносчиком заразы, о чем тебе отлично известно – это как?! Как ты этот факт рассматрива-

ешь?!

– Еще неизвестно, кто что разносит.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну что, по-твоему, в мэрии дураки сидят? Они обо всем знают, общественное здоровье под угрозой, и никто ничего не предпринимает. Так, что ли? То есть ты один умный, а остальные...

– Да ты что?! – вскипел Мойша. – Ты это серьезно? Ты работаешь с анализами, прекрасно видишь, что происходит на самом деле, и правда полагаешь, что не дом досуга причина всех болезней?!

Катя замолчала и опустила глаза.

– Извини. Я говорю не весть что. Ну сам посуди – получив такое «письмо счастья», – она потрясла в воздухе расческой, – еще не так запоешь. Прости меня.

Она обняла Мойшу. Спустя полчаса, когда она ушла, он стал ходить по кабинету взад-вперед. Внутри него бушевали страсти. Наконец, решившись, он скинул с себя халат и отправился куда-то за пределы больницы. Спустя 15 минут он стоял у входа в дом досуга... Катя не обманула- здесь и впрямь было народу как семян в огурце. Журналисты, сотрудники городской администрации, молодежь – все смешалось в едином безнравственном порыве, один взгляд на который заставлял молодого врача трепетать от гнева. Не чуя земли под ногами, он бросился в кабинет заведующей.

– Здравствуйте, Моисей Самуилович, – она встретила его

с распростертыми объятиями.

– Откуда Вы меня знаете?

– Городок у нас маленький, чего ж не знать-то... Да Вы проходите, не стесняйтесь, мы Вам сейчас подберем специалиста самого квалифицированного...

– Я здесь не за этим.

– А зачем?

– Затем, чтобы сообщить Вам, что Ваш... дом досуга, про-сти Господи, является источником распространения венери-ческих заболеваний по всему городу!

– Да, – сделав озабоченную мину, присела на стул заведу-ющая. – Такая информация до нас уже дошла. Через мэра.

– Да? Любопытно? Как же он на это реагирует?

– Сердится. Велел меры принимать.

Что-то живое зашевелилось в душе Мойши, какая-то сла-бенькая надежда на понимание, вроде бы, затеплилась там.

– И что же? Что Вы сделали?

– Ну смотрите. Все наши девочки – 99% – из бывших ин-дивидуалок, так? Значит, они больны быть не могут. Ина-че бы давно уже весь город вымер. Логично?

– Логично, но...

– Пойдем дальше. Есть у нас только одна девочка со сто-роны – это Настя из городского суда.

– Ну! Значит, в ней все и дело!

– Я согласна, согласна...

– Ну так значит ее надо уволить!

– Не могу.

– Почему?!

– Она – наш лучший работник. Без нее мы и на половину не выполним план по сбору в бюджет.

– Как, уже и план есть?

– А как же! – с видом получившей пятерку пионерки протянула она Мойше папку листов на 50 с подробным бюджетным заданием, муниципальным контрактом и прочей служебной документацией. От масштаба этого безобразия, принявшего государственные масштабы, у Мойши закружилась голова. Подняв глаза, он увидел над головой заведующей лозунг:

«Наши цели ясны, задачи определены! За работу, товарищи!» (из речи Н. С. Хрущева на 22 съезде КПСС).

5.Прежде ума рыщет – беды ищет

Апрель 1847 года, Пешт.

– ...Господа! – начал свою речь доктор Игнац Филип Земельвайс. – Помимо удручающей статистики женской смертности от горячки и родового сепсиса, с которой я столкнулся по приезде в больницу святого Роха, на нашу голову обрушилось еще одно несчастье – гибель нашего уважаемого коллеги, доктора Коллечки. Вдвойне опечалило эту утрату то обстоятельство, что погиб он по чистой случайности, нелепости, в преддверии открытия препарата, который способен радикально изменить ситуацию с заражениями и смертностью как в нашей клинике, так и по всей стране. И это даже не то, чтобы открытие – это скорее находка, которую я совершил в поисках универсального средства борьбы с ужасным заболеванием, которое год от года уносило жизни матерей Австро-Венгрии. Когда я столкнулся с этой проблемой, первое, с чего я начал – изучение ее причин. И главной из них стали руки врачей. Да, не удивляйтесь – именно руки, призванные и словно назначенные самим Господом, чтобы помогать и спасать жизни, эти самые жизни и уносили. Иными словами, мы сами были виновниками сепсиса. Как такое возможно, спросите вы? Я отвечу. Инфекция на руках переносилась из прозекторской доктора Хоффмана...

Последний недовольно поморщился при этих словах.

– ...А также с улицы, после контактов с окружающей средой. Недостаточное обеззараживание влекло произвольное внесение в организм роженицы через кровь, парентерально, смертоносной инфекции. По полученным мною данным, в Австрии показатели по смертности куда ниже – поскольку там доктора перед началом оперативного контакта с больными обеззараживают руки хлорной известью. Сравнительно недавно – две недели тому назад – я обязал всех сотрудников нашего отделения делать то же самое. И – что бы вы думали? – за две недели ни одной смерти! А в былые времена за тот же срок погибали до десятка женщин. Вот, – Земмельвайс поднял над головой документ, – сравнительная таблица, которую я хочу донести до всеобщего сведения и также опубликовать в медицинском вестнике. На сегодняшний день обеззараживание является, в прямом смысле, жизненной необходимостью с целью спасения рожениц. А наша клиника святого Роха станет пионером в деле борьбы за жизнь матерей!

Коллеги дружно зааплодировали. После симпозиума доктор Клейн пригласил Земмельвайса к себе в кабинет.

– Это потрясающе, Игнац. Ваше открытие просто... неопишимо!

– Самое потрясающее в том, доктор, что никакого открытия нет. Раствор по обеззараживанию рук давно известен медицине. Основная работа моя состояла во вскрытии при-

чин смертности, в определении истоков поступления сепсиса в организм роженицы.

– И что Вы намерены с этим делать дальше? Ведь это неплохой материал для диссертации.

– Слава меня привлекает меньше всего. Я вижу свою главную задачу в борьбе за жизнь матерей Австро-Венгрии. Ведь ребенок-сирота – что может быть несчастнее? Видя такую удручающую картину смертности, что существовала в нашей клинике и во всех остальных клиниках Венгрии, матери попросту боялись рожать и отдавались на руки повитухам. В наше время! Это ведь уму непостижимо и никак недопустимо, ибо повитуха нанесет куда больше вреда, чем доктор Хоффман из прозекторской!

– Я вижу, Вы не честолюбивый человек...

– Знаете, что сказал мне Франтишек, умирая? Он завещал бороться за жизни рожениц, завещал придать мое открытие огласке, уже зная о нем. И я обязан выполнить его последнюю волю, а также ту клятву, которую я принес на университетской кафедре высоким именем врача!

– Ваши слова потрясающи! Я восхищаюсь и горжусь Вами, но... есть одно обстоятельство, по которому я бы не советовал Вам особенно радоваться открытию.

– Что же это за обстоятельство, позвольте осведомиться?

– Видите ли, закупка хлора в таком количестве может нанести нашей клинике существенный урон. Я имею в виду, в финансовом смысле...

– Вы шутите? – Земмельвайс был обескуражен словами главного врача. – Во-первых, его стоимость смехотворна, во-вторых, не так уж много его и нужно, а в-третьих, если от этого зависят жизни матерей, то о какой экономии здесь можно говорить?

Клейн мялся – собеседник видел это и не желал сдавать позиций.

– Если существуют объективные препятствия к моей деятельности, то сейчас самое время предать их огласке. То, что Вы сказали, звучит, простите, как бред. Здоровы ли Вы сами?

Клейн с ненавистью взглянул на него.

– Что ж, я буду с Вами откровенен. Вы намереваетесь сообщить всей Австро-Венгрии, а после – и всему миру о своем открытии, так? А это значит, речи свои Вы будете начинать примерно так: «Приехал я как-то раз в столичную больницу святого Роха и обнаружил повышенную смертность от сепсиса. Посмотрел на своих коллег и понял – какие же они дураки, что в 19 веке, когда хлорное обеззараживание с успехом применяется в другой части страны, да и во всем мире, не удосужились помыть руки и тем самым по сути отняли жизни у сотен женщин?!» Так? И что же после этого прикажете делать нам? В петлю? Или в тюрьму? Поругать честь клиники, честь профессии врача...

– Что Вы говорите, доктор Клейн?! О какой чести врача можно рассуждать, когда Вы впрямую отказываетесь от ис-

полнения своего профессионального долга... в угоду какому-то мещанским соображениям!

– Это не мещанство, мой юный друг! Это жизненная необходимость сохранить жизнь и свободу людей, которых Вы обвиняете в убийствах! Получается, что жизни одних Вы собираетесь спасти за счет жизней других! А этого я, как главный врач, не могу допустить!

– Что же мне делать?

– Я разрешаю Вам применение антисептических средств в пределах клиники. Но если Вы растрезвоните об этом по всему миру, то можете смело покидать пределы больницы.

– Это Ваше окончательное решение? – помолчав немного, уточнил Земмельвайс.

– Да.

– В таком случае, прощайте. Нам не о чем с Вами говорить.

Хлопнув дверью, Земмельвайс покинул кабинет Клейна. Вернувшись на свое рабочее место, он стал собирать личные вещи – для себя он твердо решил, что смерти Коллечки ему достаточно, и проводить остаток дней в обстановке невежества, в темном царстве Клейнов и Хоффманов ему не с руки. Внезапно среди бумаг он натолкнулся на письмо. Оно было запечатано. Почему он не видел его раньше? Должно быть, проглядел среди утренней почты. Разрезав конверт, Игнац погрузился в чтение:

«Дорогой Игнац! Сообщаю Вам с великой благодарностью, что получил Вашу работу о снижении смертности среди рожениц за счет обеззараживания рук операционистов и ординаторов хлорной известью. Признаться, после прочтения ее несколько дней я был вне себя от восторга. Я не мог поверить, что мой дорогой однокурсник стоит у истоков открытия, которое способно вкоре изменить не только демографическую ситуацию, но и вообще всю картину медицинской жизни. Сравнительно недавно – две недели назад – я решился на свой страх и риск внедрить данную практику и в нашей клинике. Результаты превзошли все мои ожидания. Смертность снизилась с 20% до 1%, и то в указанный процент входили люди, больные хроническими заболеваниями. Получается, что родильная горячка и сепсис как причины смертей матерей остались в прошлом. И все – из-за, казалось бы, – малозначительного открытия, которое – в действительности – является революцией здравоохранения.

Однако, результаты превзошли все ожидания и в другом смысле. Когда я сообщил о применении Вашей находки в своем отделении главному врачу нашей больницы Петра и Павла доктору Кюхтеру, он запретил мне публиковать статистическую отчетность и вообще делиться с кем-либо результатами практики. В обоснование своей позиции он сослался на то, что сочтет мою публикацию доносом, по-

сколько она повлечет за собой массовые неприятности для него и его подчиненных, не сумевших в течение многих лет, предшествовавших Вашему опыту, отыскать ему альтернативу. По его мнению, выходит, что из-за безынициативности и недальновидности медицинского персонала, по существу, произошли все эти смерти. Я не могу разделить такой точки зрения, главным образом, потому, что полагаю уклонение от принятия на вооружение средства борьбы с сепсисом как смертный приговор многим миллионам рожениц и нарушение клятвы Гиппократова. Таким образом, я оказался в противоречивой ситуации – с одной стороны неприятие коллег, а с другой – неприятие самого себя, если я пойду у них на поводу.

Прошу Вас, мой друг, поделитесь со мной Вашими мыслями по поводу написанного. Какой точки зрения мне следует придерживаться?

С уважением, Ваш Густав Михаэлис, врач больницы Святых Петра и Павла, Бонн. 14 апреля 1847 года».

Земмельвайс отложил письмо – и еще более укрепился в своем решении как можно скорее покинуть стены больницы, чтоб нести свое открытие в мир. Да, возможно, здесь за время его отсутствия умрут еще несколько женщин, но приданием открытию публичного характера он сможет спасти миллионы. Выбора не оставалось, тем более, что письмо кричало ему – «Ты не один!».

Май 1847 года, Вена.

Доктор Земмельвайс спешил – через час в Венском госпитале должна была состояться его лекция. Он немного опаздывал – из издательства только-только поступили сигнальные экземпляры его книги «Этиология, сущность и профилактика родильной горячки», которые он должен был вручать слушателям. Потому спешил – в спешке поймал конку, попросил служащего гостиницы уложить чемодан с книгами, кое-как взгромоздился и велел кучеру гнать во весь опор.

У дверей госпиталя его встречал организатор лекции, доктор Тауффенберг.

– Добрый день, Игнац.

– Добрый. Простите, что опоздал – посылка из издательства с моей книгой здорово задержалась, а без нее проводить лекцию я считал невозможным.

– Пустое... – Тауффенберг словно не слышал его. – Я так счастлив снова видеть Вас здесь. Помните, как Вы проходили у меня практику в ординатуре?

– Разумеется, но, мне кажется, сейчас не время для воспоминаний. Я опаздываю на лекцию, меня ждут. Все собрались?

– Постойте.

– Что случилось?

– Вам незачем спешить. Никто не пришел.

– Как?! Но почему?! Все же были предупреждены, и принять участие собирались порядка ста человек!

– Обстоятельства изменились...

– Каким образом?

– Видите ли, доктор Клейн прислал письмо нашему руководству...

– Понятно, – опустил руки Земмельвайс. – Испугались пасквильного навета? Запретили слушателям посещать мероприятие?

– Отнюдь, Вы не так поняли. Ничего подобного не случилось. В своем письме доктор Клейн подробно описал Ваш метод... а также рассказал о том, какие последствия могут ожидать сотрудников тех клиник, которые примут его на вооружение.

– Вы сочли мою книгу доносом, как и Клейн?

– Видите ли, так оно и есть. Ну как прикажете понять наше бездействие столько лет? Куда девать такое количество невинных жертв нашей нерадивости? На кого возложить ответственность за них?

– Почему обязательно возлагать на кого-то ответственность? Бруно и Коперника казнили, но после, когда их догадки оправдались, почему-то царей не привлекли к ответственности!

Тауффенберг улыбнулся:

– То цари. А то – люди. Нам не придется ограничиться извинениями за сотни тысяч умерших по нашей вине. Потому

медицинское сообщество выразило Вам свое недоверие... Простите мне мою нелепую роль, но именно я сегодня довожу до Вас это в надежде, что Вы... нет, не одумаетесь и не перестанете нести в мир свою, без сомнения, гениальную идею, а, напротив, не послушаетесь меня. *Fortuna juva avensis* (счастье сопутствует храбрым – лат.)! Но не в этот раз...

Их беседу прервал посыльный из отеля.

– Простите, Вы доктор Земмельвайс?

– Да.

– Вам письмо.

Игнац спешно распечатал конверт, похожий на которые он часто получал из Бонна, из больницы святых Петра и Павла. В нем с прискорбием сообщалось о самоубийстве доктора Густава Михаэлиса...

Настя и Катя встретились случайно – бывшая сотрудница судебной системы возвращалась домой после трудовой смены на вновь приобретенном рабочем месте. Возвращалась и думала:

«Вот же перемены в судьбе! Раньше, бывало, идешь из суда – еле ноги волочишь, всю жизнь проклинаешь, труд тяжелый и неблагодарный, а теперь – то ли дело... Смену оттрубила, а жить хочется, хоть свехурочно оставайся!»

Из-за угла показалась знакомая ей фигура – Мойша сегодня решил задержаться на работе, и Катя возвращалась домой одна.

– Ба! Катюха! Ты ли это?!

– Настька? Привет!

– Привет. Ты как здесь?

– Я же живу здесь, ты что, не помнишь?

– А я уж и забыла, – расхохоталась Настена. – С такой работой все из головы вылетает! Слушай, да чего тут тусоваться, в ногах правды нет, пойдем в кафе...

– Ты знаешь, я спешу... – вяло начала отнекиваться Катя, порядком уставшая после работы, в отличие от подружки, но та была непреклонна. Спустя полчаса они уже сидели в местной забегаловке и тянули виски с колой.

– Сто лет тут не была, – говорила Катя.

– Неудивительно – с твоей-то работой.

– И с моей-то зарплатой.

– Давно тебе говорю, приходи к нам. Уж полгорода у нас работает – и никто не жалуется, все довольные как слоны.

– Как слонихи...

– Что? – музыка немного заглушала речь девушек.

– Ничего. Ты-то как? Как здоровье?

– Как у космонавта! А чего мне? С утра до ночи, 24/7 белковая диета. Во! Одно здоровье! Да и платят нам очень достойно!

– Знаю, только...

– Что?

– Ты слышала что-нибудь о ситуации с болезнями в доме досуга?

– Да, заведующая что-то такое говорила.

– Знаешь, что у тебя сифилис подозревают?

– Да? И что? От него же не умирают теперь. Когда совсем прижмет, пойду, пару уколов сделаю – и опять к станку.

– А люди как же?

– А что им сделается? Дорогу в больницу, я чай, все знают. А за удовольствие иногда приходится платить, причем не только деньгами...

Катя смотрела на подругу и не верила своим ушам – зная о наличии заболевания у себя самой и о том, что она, по сути, представляет опасность для окружающих, она говорила об этом так, будто речь идет об обыкновенной простуде, причем, среди тараканов.

– А своему дураку скажи, – продолжала меж тем Настя, – чтобы завязывал со своими походами, а то неровен час... Ну что он там о себе думает? Что из-за его дурости закроют дом досуга? Это ведь источник финансирования городского бюджета, причем, не самый последний. Его значимость для города колоссальная! Пойми, никому не интересно, кто там чем заразился – это личное дело каждого. А в нашей стране, как ты знаешь, общественное всегда выше личного. Потому мы и живем лучше, чем гниющие капиталисты. И тут вдруг все всё бросят и кинутся закрывать доходные, «рыбные» места!

– Боже мой, какую околесицу ты несешь...

– Определить, околесица это или нет можно так. Если основная масса населения это одобряет и поддерживает, зна-

чит, это не окоlesiца, а очень даже разумные и здравые суждения. Выйди на улицу, спроси. 101% думает так же, как я. С тех пор, как дом досуга открыли – все изменилось в лучшую сторону. Мужья довольны, жены тоже – никто никому голову не кружит. Деньги целее, чем, когда они их на индивидуалок тратили да на бухло. Подростки счастливы и бюджет, повторяю, лопається от профицита. А мимо вас двоих счастье стороной прошло, вот вы теперь и злобствуете. Расслабься, подруга. Все еще может быть хорошо. Меняйся сама – и весь мир будет у твоих ног!

Катя улыбнулась.

– Ну, Настюха, ты прям как на трибуне...

– А ты как думала? Я в последнее время с экранов телевизоров уж не вылезаю, вот поневоле насобачилась! Так что давай – за нас, за вас и за спецназ! Кстати, заходил тут на днях один спецназовец, так такое со мной вытворял, мать честная! Сейчас расскажу, на слюну изойдешь от зависти...

Прокурор выслушал речь Моисея Самуиловича внимательно и не перебивая.

– Итак, – подытожил он, – насколько правильно я Вас понял, речь идет о распространении в городе венерических заболеваний посредством дома досуга?

– Верно.

– Это точно?

– Все пациенты описывают посещение дома досуга как раз

незадолго до начала инкубации болезней. Причем, посещение одной и той же... кхм... его сотрудницы.

– Кого именно?

– Настьки-Машинистки.

– Простите, простите. Насти Шишкиной?

– Точно.

– Но ведь она работала в суде, секретарем!

– Я знаю. Оттуда и прозвище.

– Однако, – улыбнулся в кулак прокурор. – И что же, Вы сообщали о своем наблюдении городской администрации?

– Главный врач мэру об этом сообщил, это стопроцентная информация.

– И что же мэр?

– Сказал, что сифилис носит бытовой характер, и распорядился закрыть две столовые, где 15 лет назад его якобы обнаруживали.

– Так, так, и что дальше?

– Дальше ничего. Эпидемиологическая картина никак не изменилась, только ухудшилась. Одновременно с закрытием столовых стали умирать бомжи, которые там столовались...

– Отчего? От голода?

– Не совсем. От спиртного. В столовых им предлагали качественный алкоголь, а в связи с их закрытием они перешли на настойку боярышника, которой и стали травиться.

– Так...

– Мэр решил, что отравление раз пищевое, то виноваты в этом производители пищевых продуктов. Главным производителем был колхоз «Приозерный», который поставлял на городские рынки мясо, овощи, хлебобулочные изделия. Его закрыли. Предприятие по сути разрушено. А картины болезней все те же...

Прокурор подпер голову руками:

– То, что Вы описываете, похоже, воля Ваша, на бред. Разумный человек не в силах поверить, что городской голова, зная о творящемся у него под носом беззаконии, которое, к тому же, причиняет существенный вред здоровью жителей города, бездействует. Вы же понимаете, чем это чревато?

Мойша улыбнулся.

– Я-то понимаю. И мне до недавних пор все это тоже казалось абсурдом. А вчера я встретился с заведующей дома дос...

– Публичного дома?!

Мойша улыбнулся и подивился смелости прокурорских фраз.

– Если угодно...

– А как иначе?! По существу, это и есть настоящий бордель! Назови его хоть дом культуры и отдыха – а он все равно будет борделем! Гнойной язвой на теле общества! – лавры государственного обвинителя не давали хозяину кабинета покоя. Он встал со стула и нервно заходил по комнате. – И что же Вам сказала эта... прости, Господи?!

– Что мэр в курсе, но, поскольку дом досуга...

– Бордель!!!

– Бордель... пополняет бюджет, то вариантов его закрыть нету.

– Уму непостижимо, – вознес руки к небу прокурор города. – Это невероятно! В 21 веке, в стране, занимающей первые места по производству ракет и нефти, продуктов сельского хозяйства и вертолетов, в сердце кладовой страны – на Урале – происходит беззаконие, о котором даже в голливудских фильмах не расскажут! С подачи мэра в городе открывается гнездо разврата, которое, помимо всего прочего, еще и заразу разносит! И никому до этого нет дела! Но нет, господа хорошие, найдется и на вас управа! Спасибо, спасибо, Моисей Самуилович, Вам за сигнал, – прокурор тряс руку Мойши, а тот в душе ликовал – нашелся, наконец, хоть один нормальный в этом городе. – Я возьму это дело на личный контроль и завтра... нет, сегодня же организую прокурорскую проверку по всем фактам, что Вы сообщили. Мы не дадим беззаконию здесь пускать цветы, это я Вам как слугитель закона обещаю, не носить мне своих погон.

Глядя на внушающие доверие погоны полковника, Мойша понял, что имеет дело с серьезным человеком.

Прокурор вылетел из приемной мэра в половине двенадцатого утра следующего дня. За ним в кабинет главы города вошел Кузьмин.

– Чего он хотел?

– Кто?

– Ну, прокурор?

– А, пустяки, мелочи жизни. Что там у тебя?

– Предприниматели коллективное письмо прислали.

– Чего хотят?

– Колхоз разморозить.

– А им он зачем?

– Так они ж продукты с минимальной наценкой поставляли. А теперь приходится за мясом в область ездить, за хлебом тоже, за овощами – и того дальше. Все – дополнительные расходы.

– Господи, им-то что? Пусть увеличивают наценки.

– Они и так увеличили до максимума. Но не забывай, что на продукты питания есть предельные наценки, установленные Правительством. Выше нельзя. А они и с этим потолком едва-едва в ноль работают.

– Слушай, чего ты от меня хочешь? Что ты за них задницу рвешь? Сколько они приносят в бюджет? Процентом двадцать? А бордель мне за неполный месяц дал сто двадцать! Я «Приозерный» твой порешил, чтоб репутацию дома досуга сберечь! И, как показала жизнь, не прогадал. А ты мне предлагаешь коня на переправе сменить, да? Нет уж!

– Ну совсем-то про предпринимателей тоже забывать нельзя.

– Не нравится- пусть не работают, тоже мне, बारे какие!

Слушай, а что там опять за манифестация?! Что-то давно Саяпина не видно, пускай приедет, разгонит этих... А лучше сходи-ка посмотри, что там.

– Может, сам сходишь? У меня вообще еще подготовка к отчетной конференции...

– Неохота. Дождик там, а я простывший. Что-то температура... Надо к Настьке-Машинистке записаться, пусть поврачуется...

Нехотя спустился товарищ Кузьмин с третьего этажа. Побеседовал с пенсионерками, пришедшими пикетировать мэрию. Поднялся назад – без лифта. Не заместитель – герой.

– Ну и что там такое?

– Пенсионерки.

– Что хотят?

– Попросят снизить наценки на продукты в магазинах. Говорят, цены возвысили до небес за последние две недели.

– А я тут причем? – мэр не отрывал головы от бумаг, беседуя с замом.

– Мы же только что с тобой разговаривали! Я же предлагаю, разморозить работу «Приозерного».

Голова взглянул в глаза Виктору Федоровичу.

– Как я это сделаю? Как? Там на следующий день после приостановки уже камня на камне не было. Граждане – электорат – все разбомбили как будто перед немецкой оккупацией. Ты же знаешь этот народ, это же скоты, которым только погонщик отошел, сразу надо все топтать, крушить, ломать.

– Что делать-то будем? Ладно коммерсанты, а бабкам рты не заткнешь, до Президента дойдут!

– Я тебе еще раз повторяю – пока экономических посылов закрывать дом досуга у меня нет. Мы все за его счет кормимся! А что до народа... не снизить цены им надо.

– А что?

– Найти козла отпущения. И мы его найдем. Не мы историю писали, не нам ее и кроить.

Когда Мойша перешагнул порог кабинета озерского городского прокурора, то увидел перед собой другого человека, чем тот, что принимал его несколько дней назад. Нет, внешне он был тот же самый, но что-то изменилось внутри него. Он сидел за столом и невозмутимо точил ногти. Руки он посетителю не подал, но Мойшу насторожило не это, а то, в каком тоне он начал общение с ним.

– Я вызвал Вас не просто так. Обычно мы отвечаем гражданам в письменной форме, и ни с кем вот так подробно лично не беседуем. Для Вас вот сделали исключение.

– Спасибо.

– Не перебивайте меня, пожалуйста. Спасибо. Так вот. Мы провели проверку по Вашему обращению.

– И что? Что она показала?

– А Вы сами не догадываетесь? Ни один из фактов, изложенных в обращении при личном приеме, проверкой подтверждения не нашел.

– То есть как?

– А так. Никакой это не бордель, а настоящий дом досуга. Там люди играют в карты, шахматы, пьют вино, смотрят телевизор, выходят в Интернет. Ну случаются у них половые контакты – ну так это же не наказуемо.

– Но ведь они случаются за деньги!

– Это личное дело каждого до тех пор, пока речь не идет о проституции!

– Речь идет именно о ней!

– Ошибаетесь, Моисей Самуилович! Органы местного самоуправления не могут организовывать притонов для проституток, они осуществляют функции контрольных и представительных органов. Бордели всегда подпольные. А здесь – полная прозрачность. Какой же это бордель? Я там лично побывал с инспекцией и никаких признаков не увидел!

– А как же болезни? Сами-то не боитесь?

– Пустяки, – отмахнулся прокурор. – Встречался я с той девушкой, на которую Вы тут пытались напраслину возвести, и должен сказать, что мое сомнение подтвердилось. Я же говорил, что она в суде раньше работала. Не может человек из судебной системы, простите, в проститутки переквалифицироваться. Не кует таких кадров судебная система. В нее сам Президент людей отбирает, да не всех подряд, а только тех, чьи деловые качества и моральный облик наголову выше, чем у прочих коллег. Даже я – при всей моей святости! – туда не попал. А Вы говорите Настасья... Она нас с Вами

по морали и нравственности за пояс заткнет.

– Что ж тогда она там делает?

– Как что? Она же юрист по профессии, законы разъясняет.

– Законы?

– Именно. У нас знаете, какой народ темный? Ммм. Жуть. Правовой нигилизм с детства внушают. Одна эта мерзость – «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло» – чего стоит?! Как может у русского человека при таких поговорах уважительное отношение к закону формироваться?! А сталкивается с ним в жизни любой. Любой. Потому и нужна разъяснительная работа, которую и проводит гражданка Шишкина. Вот и Вам самому не худо бы к ней обратиться.

– Мне? Зачем?

– А вот зачем. Вы по существу в своем обращении обвинили ее в уголовном преступлении – занятие проституцией, статья 241 УК РФ. Ваши доводы не подтвердились, значит, с Вашей стороны имеет место заведомо ложный донос – статья 306 УК РФ. Так что будем делать, гражданин хороший?

Мойша сидел ни жив ни мертв.

– Не знаю.

– А я знаю. На первый раз я Вас, пожалуй, отпущу – в Вашем случае пока еще можно говорить о добросовестном заблуждении относительно фактического характера действий Настеньки... Анастасии Александровны. Знаете, субъективное и объективное видение вещей часто не совпадает...

Но на будущее Вам надо иметь в виду, что, прежде, чем выступать с такими обвинениями, надо сначала убедиться в их обоснованности. Как говорится, слово не воробей. Поймают – вылетишь.

– Любопытно Вы трактуете. Надо записать.

– Запишите, запишите.

– Я могу быть свободен?

– Пока да. Если понадобится, мы Вас вызовем. Повесткой.

Врач не успел выйти из кабинета, когда прокурор окликнул его уже в дверях.

– Еще кое-что. Завязывали бы Вы со своими походами, а то неровен час... Ну что Вы о себе думаете? Что из-за Вашей прихоти закроют дом досуга? Это ведь источник финансирования городского бюджета, причем, не самый последний. Его значимость для города колоссальная! Поймите, никому не интересно, кто там чем заразился – это личное дело каждого. А в нашей стране, как Вы знаете, общественное всегда выше личного. Потому мы и живем лучше, чем гниющие капиталисты. И тут вдруг все всё бросят и кинутся закрывать доходные, «рыбные» места!

– Боже мой, какую окоlesiцу Вы говорите...

– Определить, окоlesiца это или нет можно так. Если основная масса населения это одобряет и поддерживает, значит, это не окоlesiца, а очень даже разумные и здравые суждения. Выйдите на улицу, спросите. 101% думает так же, как я. С тех пор, как дом досуга открыли – все изменилось в луч-

шую сторону. Мужья довольны, жены тоже – никто никому голову не кружит. Деньги целее, чем, когда они их на индивидуалок тратили да на алкоголь. Подростки счастливы и бюджет, повторяю, лопается от профицита. А мимо кого-то вдруг счастье стороной прошло, вот Вы теперь и злобствуете. Однако, поймите – все еще может быть хорошо. Меняйся – и весь мир будет у твоих ног!

Мойша не заметил ни как прокурор перешел на «ты», ни как стал говорить словами другого человека. Сепсис пошел дальше – гонорея поразила волю.

6. Невинные жертвы

Кузьмин вошел в кабинет мэра чернее тучи – он теперь часто так выглядел. Жена стала крепко пить и возвращалась с работы за полночь, чем доставляла ему немало душевной боли. Он почти не спал, стал раздражительным и нервным.

Мэру было не лучше – жена не давала покоя своими навязчивыми требованиями разнообразных совокуплений с как можно большим числом мужчин. Про себя он ласково прозвал ее Массалиной.

– Опять проблемы.

– Что?

– Соловьев пришел.

– Это какой?

– Сеть супермаркетов.

– Что хочет?

– Сам не понимаешь? Я же тебе говорил про письмо, что они прислали.

– Ну а что ему еще надо? Ты же им ответил?

– Хочет с тобой лично поговорить.

– Чтобы я лично его по матушке послал? Что ж, это можно. Давай его сюда.

Минуту спустя рослый здоровяк вошел в кабинет городского головы.

– Здравствуйте, Николай Иванович.

Не отвечает голова – гневается.

– Ну что же это, Николай Иванович, дорогой? Как же это называется?

– Что именно Вам не нравится?

– Вот все сейчас только и говорят, что о благоприятном инвестиционном климате, о том, что надо поддерживать отечественного производителя, а на деле что? Мало того, что цены взвинтили от поставщиков до заоблачных, закрыли местную ферму, лишили возможности зарабатывать, так еще и бюджетными контрактами душите?

– Кто же это Вас душит? Разве не Вы тут в преддверии тендеров пороги обиваете, родину продать готовы, чтобы только в закупочную систему включиться? Нет? А кто ж тогда?

– Да мы-то с радостью, только тендера на год заключаются и более. Цены по ним менять мы не имеем права. Вот и получается, что мы при заключении госконтракта рассчитываем на определенный размер прибыли, который складывается из разницы между закупочной ценой и той, что стоит в госконтракте. А сейчас что? Закупать-то мы стали дороже, а продаем по контрактной цене – как ни крути. Что же делать?

– Расторгайте контракты, – невозмутимо ответил мэр.

– То есть как? И на что тогда жить? Мы и так покупателей лишаемся благодаря тому, что цены завышаем!

– А я тут причем?! Пересматривайте условия контрактов в суде!

– Николай Иванович, – тяжело вздохнул посетитель. – Мы совсем о другом хотим сказать, в другом видим выход.

– И в чем же?

– Закройте бордель.

– То есть дом досуга?

– Да.

– И что это даст?

– Тогда прекратится распространение инфекции, следовательно, можно будет открыть бомж-приемники, они перестанут жрать гадость, можно будет возобновить работу «Приозерного»...

– Серьезно? Это как? Заново все отстроить? Вы хоть знаете, в какой упадок там все пришло после временного приостановления работы? Эти дикари посчитали, что колхоз навсегда закрывается – и на радостях разграбили его.

– Так можно же все восстановить.

– За казенный счет? Сколько это будет мне стоить?

– Мы поможем!

– Ну допустим. А в какую копеечку мне влетит закрытие дома досуга, кто мне скажет? Что я получаю-то от Вас, господа коммерсанты? Копеечные налоги? Да город и без них запросто может прожить, тем более, что воруете и не доплачиваете вы куда больше, чем в казну поступает.

– А как же муниципальные учреждения? Ведь если контракты будут расторгнуты, они по сути останутся без жизнеобеспечения?

– Незаменимых нет, как говорил товарищ Сталин. Уйдете вы – придут другие.

– Кто? На такие цены?

– А я расходную часть сокращу.

– Как это?

– Ну математику же учили в школе, знаете, что чем меньше знаменатель, тем больше дробь. Для других – не для вас – я цены сделаю приемлемыми за счет сокращения расходов бюджета. Ну будет у вас не 40 потребителей из числа казенных учреждений, а скажем,.. 10!

– Это как? Остальные есть не будут?

– А мы их просто закроем. Укрупним.

– Хе, – усмехнулся посетитель. – Я вот, например, две школы и три детских сада обслуживаю. Их-то как закроете? Греха не оберешься.

– Укрупним. Рассуем контингент по другим образовательным учреждениям. Бывали и хуже времена в стране, ничего, переживут. А там, сами знаете, – или ишак или падишах.

– Даа, – протянул визитер мэра. – Вы правда видите в этом выход?

– Конечно. А золотую жилу свою я в землю добровольно не зарюю, не выйдет! Ишь какие!

– Что ж, в таком случае, нам не о чем говорить.

– А я и не знаю, зачем Вы вообще сюда пришли. Я изначально был против этой аудиенции. Кому она нужна и к че-

му приведет?

– Извините, что украл у Вас время.

– Пустяки, – улыбнулся мэр, и посетителю даже на миг показалось, что в его глазах мелькнула тень здравого смысла. Может, он сейчас уйдет, и посетит-таки здравая мысль мэрскую светлую голову – ведь не зря же его всенародным голосованием избрали!

Со спокойной душой покинул он кабинет головы. С надеждой. С такой же надеждой следом за ним вошел Виктор Федорович.

– Значится так, – довольный мэр улыбался и читал как по писаному. – Какие школы и сады обслуживает этот прохиндей?

– 45-ю, 11-ю, сады №2 и 14.

– Закреть.

– То есть как? – не понял Кузьмин.

– А так. Тебе, что, в первый раз такое делать? Забыл, как мы пять лет назад их пачками закрывали, когда учителям платить зарплату нечем было?

– Ну так то другое время было...

– Времена всегда одинаковые. И сейчас их веление – школы и сады закрыть. Учеников и воспитанников найдешь, куда растолкать. Сейчас как раз каникулы, так что у всех образовательных учреждений будет время подготовиться.

– Это понятно, а куда персонал девать? Сократить? Столько мест?

– Есть у меня одно предложеньице.

– Какое? – уставший мозг Виктора Федоровича не до конца понял мэрскую задумку, хотя первое дело первого зама – угадывать пожелания начальства сходу.

– Менять тебя пора.

– В смысле?

– В смысле, а чем они лучше наших с тобой жен?

День для Моисея Самуиловича начался просто ужасно – в его кабинет вошел Витя Акимов. На нем лица не было.

– Что с тобой? – взволнованно спросил коллегу Мойша.

– Ничего особенного. Ночью не спал, на скорой дежурил.

– Ну и как отдежурил?

– Нормально. Один труп.

– Кто? От чего?

– А помнишь, у тебя пациент был, адвокат местный?

– Ну что-то такое припоминаю.

– Острая сердечная недостаточность.

– Да ты что?! А чем вызван приступ?

– Думаю, передозировка лекарств.

– А он что-то принимал последнее время?

– Мы нашли дома только то, что ты ему прописал... Жажнул лошадиную дозу – и привет.

– Ужас какой!

– Ничего особенного. Соображать надо в таком-то возрасте, что после посещения подобных заведений могут на-

ступить самые мрачные последствия.

– У тебя-то как?

– Да ничего, помогает. Вылечился почти?

– Но дом досуга все еще посещаешь?

Виктор улыбнулся:

– Есть такое. Но теперь только, – он достал из кармана пачку презервативов и потряс ими в воздухе.

– Слава Богу, нашелся хоть один сознательный. Да и то, после того, как на молоке обжегся...

Полдня Мойша ходил сам не свой – известие о смерти пациента потрясло его до глубины души. Неудивительно – он не был хирургом, и профессия его напрямую не была связана с человеческими жизнями, а потому подобное известие сразу перешло для него в разряд экстраординарных. В половине четвертого его случайно встретил главный врач и пригласил к себе в кабинет.

– Как дела, Моисей Самуилович?

– Ничего хорошего, Федор Федорович, пациент умер.

– А это тот, адвокат, что ли?

– Вот и Вы уже знаете.

– Никакой беды не случилось. Твоей вины здесь нет.

– А Вы-то почему такой недовольный?

– Помнишь «Приозерный», что мы закрывали?

– Колхоз? Как не помнить? Только не мы, а Вы его закрывали, если быть точным.

– Ну я и говорю – мы... Вот там смерти начались. Вот

беда-то.

– Ничего удивительного, закрыли градообразующее предприятие, это сразу ударило по всем отраслям инфраструктуры и жизнеобеспечения. . .

– Да нет, дело в другом.

– А в чем?

– Они стали умирать от сифилиса.

– Господи, там-то он откуда взялся?

– А ты не догадываешься? 15 лет ни одного случая заболевания, и тут – на тебе, сразу эпидемия, да еще и с летальными исходами в количестве трех человек за сутки!

– Я давно говорил о необходимости закрыть дом досуга!

– Что ж, – тяжело вздохнул Федор Федорович, – не думаю, чтоб на это хорошо отреагировал мэр, но деваться некуда. Теперь сам буду рекомендовать ему сделать это. Так дальше дело не пойдет.

Мойша покинул начальственный кабинет, не веря своим ушам. Однако так и случилось – к вечеру главный врач сидел в кабинете Николая Иваныча и докладывал ему о положении дел в Приозерном.

– И что ты предлагаешь? – мэр слушал его, не отрывая взгляда от окна.

– Закрыть... того... дом досуга.

– Еще один, – рассмеялся Николай Иваныч.

– Что это значит?

– Это значит, что твое предложение не ново. Я который

день ваши сопли выслушиваю. И хоть бы один предложил что дельное. Нет, один бред недальновидный несете. Ну ладно эти коммерсы тупорылые, ну ты-то, Федорыч, твоя-то смекалка и прозорливость куда девалась?

– В смысле?

– Ну первое. Я уже сегодня говорил, что чем меньше знаменатель, тем больше дробь. Чем меньше народонаселения, тем легче им управлять. Так? И второе. Ну кто в этом Приозерном жил? Я тебе сейчас Саяпина приведу, так он тебе расскажет, что там через одного – у всех или привод или судимость. Без такого контингента ему и работалось бы легче и тебе жилось бы спокойнее. А ты все за свое – закрыть, закрыть. Ну сколько их там умерло-то? Трое. Ну это же не три тысячи и даже не три сотни. Подумаешь... Сам-то, наверняка, захаживаешь в дом досуга, который секунду назад беззастенчиво предлагал закрыть?

– Я не... я...

– Ну ладно, не мямли. У меня и без тебя от проблем голова раскалывается. В подчинении – сотни учреждений и тысячи людей, а радуется одно. И одна подчиненная.

– Это которая?

– А вот я тебя сейчас с ней познакомлю. Поедем-ка.

Пару дней спустя ситуация не изменилась – разве что в худшую сторону. Шедшая на работу Катя вновь стала свидетельницей огромной очереди из женщин на входе в бор-

дель. Только на этот раз увидела она здесь свою старую знакомую – школьную учительницу Марину Дмитриевну. Не выдержала – подошла к ней, разговорилась.

– Ой, Марина Дмитриевна, здрасьте, Вы как здесь?

– А как все, – потрясая в руке трудовой книжкой, бахвалылась собеседница. – Пришла вот на работу устраиваться.

– Вы? Сюда? Зачем? – Катя покраснела, а учительница и глазом не повела.

– Ты знаешь, я давно думала. И зарплата приличная, и платят вовремя, и работа, что называется, не пыльная. А у нас – ну сама знаешь. А тут еще и обстоятельства удачно сложились – школу-то нашу закрыли.

– Как закрыли? Почему?

– Не знаю, мэр по всему городу школы да детские сады укрупняет. Денег, говорит, в бюджете нету нас кормить. Ну и ладно, думаю, пошла сюда. Прихожу – а тут уж все наши как одна стоят.

– Но все-таки в Вашем-то возрасте...

– А чего?

– Что Вы здесь делать-то будете?

– То же, что и там – молодежь обучать. Кто их научит как надо? Только опытные педагогические кадры... А ты все там, в поликлинике работаешь?

– Да.

– Да уж, не позавидуешь. Ты приходила б сюда скорей. Чего там-то гнить – прозябать? Вообще, – шепотом доба-

вила учительница, – говорят сюда скоро только с высшим образованием принимать будут, отсев уж больно строг конкурс вишь большой. Так что поторопилась бы ты, пока молодая-то, упустишь свое счастье, ох, упустишь...

...Катя стояла на пороге кабинета и глядела на Мойшу глазами, круглыми от ужаса. Он читал биографию Земмельвайса, но, завидев ее, отложил книгу и обратил на нее свой взор.

– Что на этот раз? Опять кто-то умер?

– Хуже.

– Что может быть хуже?

– Учителя на панель пошли. Все в дом досуга устраивают-ся, – Катя едва сдерживала слезы.

– Oh, tempora, oh, mores¹...

– И все? Это все, что ты в такую минуту можешь сказать?

– А что я должен был сказать?! – удивленно всплеснул руками Мойша. – Я тебе давно говорю, давай уедем, здесь жизни нет и не будет. Они сначала все с ума сойдут на почве этого публичного дома, а потом помрут от заболеваний, передающихся половым путем. И все! Тебя прельщает эта участь?

– Да я не о том! Надо же спасти людей.

– Спасать можно только того, кто сам хочет быть спасенным. Как ты принудительно наденешь на человека спасательный жилет? Спасение утопающих... сама же знаешь...

¹ О, времена, о, нравы (итал.)

– Ну перестань, прошу тебя, – Катя бросилась ему в ноги, обняла руками колени и зарыдала. – Ведь ты же понимаешь, что только ты можешь изменить ситуацию. Клятва Гиппократа и все остальное... но дело не в этом. Ты один здравомыслящий человек, ты должен что-то предпринять!

– Ну что, что я могу предпринять?!

– Поезжай в Москву. Не может быть, чтобы там об этом знали или смотрели на это сквозь пальцы. Там работают не такие идиоты, как здесь, они примут меры.

– И что будет? Мне поставят памятник? Или сумасшедшим объявят?

– Во всяком случае, ты смело можешь, глядя в глаза своим детям, сказать, что ты сделал все, что мог. Сделай это ради меня – ведь это мой родной город все-таки...

Слова женщины вновь взяли верх над здравым смыслом. Прав мудрец, сказавший, что муж голова, а жена – шея.

Июль 1865 года, Пеши

Консилиум заседал с утра и до позднего вечера. Сложность предмета обсуждения обуславливалась не столько поставленным диагнозом, сколько носителем его. Не каждый день коллегам приходилось решать судьбу своего товарища.

– Господа, – говорил доктор Клейн, – я думаю, мы сегодня не кончим. Слишком сложно все это.

– Что сложного? – спрашивал доктор Тауффенберг. – Ди-

агноз практически очевиден...

– Однако, не стоит забывать, что интеллектуальные нагрузки профессора в течение последних двадцати лет были настолько высоки, что за помешательство мы вполне могли принять его умственную усталость, – впервые за весь консилиум произнес доктор Магничек, признанный специалист в области психиатрии.

Консилиум вел доктор фон Гебра, который также специализировался на судебной психиатрии и потому высказывание более опытного коллеги заставило его насторожиться.

– Действительно, господа. А что, если доктор Магничек прав и Игнац просто перенапрягается умом. Оттого притупляются некоторые реакции, отдельные высказывания кажутся сомнительными и даже экстраординарными...

– Как же выйти из этой ситуации?

– Нам необходимо выслушать семейного врача доктора, господина Баласса. Он прибудет через несколько минут, а пока мы прервемся. Полагаю, что его доклад будет очень содержательным и нам всем, прежде, чем начать его слушать, нужно как следует подготовиться.

Во время короткого перерыва к фон Гебре подошел доктор Клейн.

– Бог мой, – сокрушался он, – и как я сразу не понял, что мой уважаемый коллега психически не здоров? Я держал его в клинике, работал с ним рука об руку, выслушивал его пространные и престранные, надо сказать, речи и не заметил

очевидного. Видно, он и впрямь был прав – я никудышный врач.

– Будет Вам, – отмахнулся фон Гебра. – Определить помешательство сразу мало кому удастся. Да и потом, он ведь не родился таким. С тех пор, как он покинул клинику святого Роха, его болезнь прогрессировала, ему становилось хуже, а Вы не могли бы повлиять на ход заболевания, даже если бы очень этого захотели.

– Надеюсь, его удастся вылечить.

– Все будет зависеть от диагноза, который поставит доктор Баласса. Он признанный специалист в области сердечной реанимации и, полагаю, что его слово будет достаточно веским, чтобы к нему прислушались все коллеги.

Янош Баласса, чье имя уже тогда облетело пол-Европы благодаря его достижениям в области сердечной реанимации, человек, который первым сделал непрямой массаж сердца и ввел его в повседневный медицинский оборот, был семейным врачом доктора Земмельвайса. И хотя его познания в области психиатрии значительно уступали тем познаниям, которыми обладали тот же фон Гебра или Магничек, но коллеги все же предпочли выслушать его, прежде, чем вынести окончательный вердикт своему товарищу. Почему так случилось? Тому можно придумать ряд объяснений. Именитые психиатры опасались недостаточной верности своего диагноза, недостаточной его авторитетности, а иными словами – просто надуманности, которая могла быть вскрыта пер-

вым же заведующим психиатрическим отделением. И потому искали пусть даже не психиатра, но, по меньшей мере, ученого с мировым именем, который мог сказать свое веское слово, навсегда заглушающее слово другого.

Фон Гебра не собирался идти на поводу у Клейна и других, настаивающих на болезни Земмельвайса. Если сейчас Баласса явится и не пожелает принимать на себя ответственность за жизнь своего уважаемого коллеги, он сразу же прервет консилиум и не возвратится к рассмотрению данной проблемы до конца дней своих. Он старался быть предельно беспристрастным – конечно, настолько, насколько это позволяло общество врачей, которым Земмельвайс хоть раз в жизни перешел дорогу. Не знал об одном – что Баласса когда-то начинал хирургом в той же самой пештской больнице святого Роха, и дурная слава Земмельвайса дошла и до него. И дело не в том, что у них были личные трения – их, разумеется, не было, сердечная реанимация и хирургия мало связаны. Но подверженность Балассы общественному мнению и страх оказаться завтра на его месте сыграют свою роль. Как страшно облихование! Как несправедливо аутодафе!

Баласса появился уже затемно.

– Простите за опоздание, господа.

– Пустое, мы с утра здесь заседаем и просидели бы еще неизвестно сколько, если бы не Ваш приезд.

– Сожалею, но чем могу быть полезен?

– Мы здесь, как Вам известно, обсуждаем вопрос о психи-

ческом состоянии нашего друга и коллеги доктора Земмельвайса. Некоторые из нас склоняются в пользу наличия у него психического отклонения...

– Ну разумеется, – вступил Клейн. – Мало того, что он говорит полную чушь с медицинской точки зрения – что стандартное омовение рук способно радикально изменить ход операции, – так он еще и призывает отказаться от привычных стандартов в медицине. Так, например, он предлагает запретить прозекторам оказывать содействие ординаторам при операциях. Это же ерунда! И потом какая? Экономически тяжелая. Наводнить больницы хлором – это великолепно, но кто будет все это оплачивать? Разделить прозекторские и операционные? Отлично, но где набраться столько узких специалистов? Изменить подходы к обучению, которые формировались медицинской наукой много сотен лет до появления доктора Земмельвайса! Не круто ли?

Присутствующие молчали. Каждый понимал, что доктор Клейн приводит явно надуманные основания, и действительным желанием коллег было скрыть собственное невежество, выявленное Игнацем Земмельвайсом. Но и сказать веское слово против никто не решался – кто знает, кого завтра обвиняет в доносительстве, как уже двадцать лет обвиняют самого доктора?

Баласса окинул присутствующих уверенным взглядом и изрек.

– Я понимаю Вас, господа. Я наблюдаю доктора Земмель-

вайса не один год и должен признать, что Вы правы. Та ретивость, с которой он, забыв врачебный долг, бьется за свое изобретение, явно говорит о помешательстве. Такое случается – человек становится заложником собственной идеи фикс, она не дает ни ему, ни окружающим его спокойно жить, заполняя собой все его существование. И одно дело, когда речь идет о каком-нибудь конторском чиновнике, чьи фантазии никому жить не мешают. И совершенно другое – когда объектом навязчивого желания, его носителем, становится ведущий мировой врач, который еще много лет мог бы приносить пользу науке, а вместо этого выменивает ее на какие-то ложные идеалы и призрачные эфемерии. В такой обстановке говорить о нормальности доктора можно было бы, если бы он практиковал. Но он добровольно отошел от практики и только и делает, что пишет никому не нужные книги, которых никто не читает и проводит лекции, на которые никто не ходит. Более того, он за свой счет организовывает обучение врачей его методу антисептики, который не пользуется никаким спросом и применением в клиниках, а тем самым ставит в затруднительное материальное положение собственную семью. Все изложенное позволяет прийти к выводу о наличии у доктора психического заболевания. Но только прошу сделать мне скидку – я не психиатр и затрудняюсь определить диагноз.

– Как же быть? – развел руками фон Гебра. Он прекрасно понимал, что делают в таких случаях, но давал Балассе

последнюю возможность его, а не своими руками закопать друга в могилу.

– Полагаю, что доктор Земмельвайс нуждается в психиатрическом освидетельствовании, – тихо изрек Баласса. И добавил еще тише: – В стационарных условиях.

Фон Гебра оживился и прокричал:

– Ставлю на голосование. Кто за – прошу понять руки.

Лес рук взмыл вверх. Считать не было смысла.

На другой день фон Гебра, приняв на себя малопочетную миссию, явился в дом к Земмельвайсу и за чашкой чая начал беседу с ним.

– Доктор, я прибыл к Вам неспроста. Видите ли, последние несколько лет я курирую клинику для душевнобольных в Дёблинге, под Веной. Так вот некоторое время назад мы столкнулись с той же проблемой, с которой Вы сталкивались во время работы в больнице святого Роха – смертность от сепсиса во время операций. Понимаете, у нас нет профессиональных хирургов – кто разрешит мне аккредитовать их при психиатрической лечебнице? А коллеги сообщили мне, что Вы в настоящее время не заняты основной работой и, более того, являетесь разработчиком некоего уникального метода борьбы с распространением сепсиса. Посему я должен просить Вас о помощи – обучить моих специалистов своим навыкам и заодно проконтролировать правильность ведения оперативного вмешательства.

Глаза Земмельвайса загорелись:

– Скажите, – спросил он, – могу ли я рассчитывать на право опубликовать отчет о результатах моей работы в Вашей клинике?

– О, разумеется, сколько угодно.

– И Вы не сочтете это доносом?

– Не думаю, что найдется много желающих ударить мне по рукам. У нас нет конкурентов, а на замечания со стороны властей мне есть что ответить – повторяю, мне никто не присылает хирургов, а больных, меж тем, надо лечить и даже приходится оперировать. Так как? Принимаете мое предложение?

– С великой радостью!

Они прибыли в Дёблинг 30 июля – спустя несколько дней после беседы. Клиника, как и положено таким богоугодным заведениям, стояла за городской чертой – в лесистой местности, окруженной топкими болотами и заливными лугами. Воздух здесь был чистый настолько, что хотелось резать его и есть кусками. Прибыв сюда, Земмельвайс будто оттаял – город, в котором прошла юность, стоял неподалеку и навеивал самые приятные воспоминания.

Фон Гебра и Земмельвайс вошли в первый корпус здания, представлявший собой административную часть – все здесь было цивильно и аккуратно и никак не напоминало о действительной сути места, в котором они пребывали. Приветливые медсестры встретили их весьма почтительно, проводив во второй корпус – здесь были уже запертые палаты.

– Кто здесь содержится? – проходя мимо стальных дверей, спросил доктор Земмельвайс.

– Больные, не опасные для себя и окружающих.

– А где же остальные?

– В подвале. Прошу Вас.

– В подвал? Зачем?

– Там операционный блок, там мы все и осмотрим.

Игнац следовал за провожатым. Чем глубже опускались они в подвальное помещение, тем мрачнее становились окружающие их интерьеры – здесь уже не было света и тусклое освещение давали лишь свечные светильники на стенах. «Как же они здесь оперируют?» – подумал Земмельвайс.

Весь персонал, состоящий из рослых и сильных санитаров, выстроился вдоль стены, приветствуя фон Гебру и его гостя. Дверь в одно из помещений была открыта.

– Что, сюда прикажете?

– Да, прошу Вас.

Земмельвайс застыл на пороге – перед ним была не операционная, а обитые войлоком стены самой настоящей палаты для сумасшедших. Он все понял. Но инстинктивное «Что это значит?» все же вырвалось из его уст. В ответ санитар сильной рукой втолкнул его вовнутрь и запер дверь. Доктор фон Гебра говорил с ним через решетку в раздаточной форточке для пищи.

– Консилиум признал Вас нездоровым. Вам следует побыть у нас некоторое время, чтобы мы могли понять, чем Вы

в действительности больны и как Вас следует лечить.

– Вы с ума сошли! Что Вы себе позволяете?! Я здоров, и Вам это известно.

– У доктора Балассы другое мнение.

– Но он не психиатр!

– Зато уважаемый человек... Послушайте, Игнац, Ваши измышления не довели бы никого до добра, смиритесь с этим наконец. Здесь Вам будет лучше...

– Замолчите и немедленно выпустите меня отсюда!

Земмельвайс стал истоиво, что было сил, колотить руками по двери. Вскоре она открылась – и лучше бы этого не случилось. На бедного доктора посыпались удары кулаков санитаров, которые напоминали отбойные молотки – один, второй, третий, словно камни сыпались они на его голову. Наконец его сбили с ног и, как только он упал, стали силой закутывать в смирительную рубашку. Какой-то укол почувствовал он в предплечье, после чего глаза его стали непроизвольно смыкаться... Проваливаясь в сон, слышал он слова фон Гебры:

– Слабительное попробуйте. И обливания холодной водой.

Фердинанд Риттер фон Гебра больше не увидел этого своего больного – спустя две недели, когда он вернулся из отпуска, ему объявили, что Игнац Филип Земмельвайс скончался...

«...Общество не всегда умеет вовремя признать свои ошибки. В этом – его главная беда. Напротив, вместо их признания, зачастую оно начинает упорствовать в своем невежестве. Но оно не безнадежно до тех пор, пока, хоть и поздно, вовсе сознается и падает перед наукой и современной мыслью ниц. Вскоре после смерти Земмельвайса о нем вспомнили – Листер открыл антисептику, и тут выяснилось, что этот малоизвестный венгерский врач, оказывается, сделал свое открытие много раньше. Труды Земмельвайса стали печататься миллионными тиражами, больницы всего мира приняли на вооружение способ обеззараживания рук хлором, разработанный и внедренный им. Будапештский университет медицины и спорта назвали именем Земмельвайса, ему самому в 1906 году открыли памятник, на котором начертали: «Спасителю матерей», в его доме открыли Музей истории медицины. В 18 районе Вены есть клиника его имени и памятник ему на территории принадлежащего ей парка. Ныне весь мир знает его имя. И пусть при жизни он не получил признания, но сделанное им открытие спасает жизни людей до сих пор, подтверждая старую истину: «Лучше поздно, чем никогда».

7. Не ждали

Моисей Самуилович сошел с вагона поезда на Казанском вокзале. «Надо же, – подумал он, – отсюда улетал на самолете, а сюда вернулся на поезде...» Хотя и вернулся-то временно, проездом на перекладных, можно сказать. Но и эта минутная встреча с родным городом принесла ему немало удовольствия – погода стояла солнечная, теплая. Он заметил, что, хоть и нечасто доводилось ему уезжать из столицы за свою юную жизнь, а всякий раз, когда это случалось, погода словно бы не хотела расставаться с ним – рыдала, изливалась дождем на вымощенные брусчаткой улицы Белокаменной. Стоило же ему приехать – как солнце и пение птиц словно бы возвещали: природа этого удивительного города радуется возвращению блудного сына и просит остаться. Желательно навсегда. Так бывает иногда – срастаешься с каким-нибудь местом и кажутся тебе эти нелепые совпадения закономерностью, и вот уж на твоих глазах слезы, что и в глубоких лужах любимого твоего места. А уж если это еще и родина, то вообще держись...

При виде солнечной погоды расхотелось ехать на метро – и он решил прогуляться по родному центру до Старого Арбата, где была их комната в коммуналке, которую отцу дали еще в далеком 1970-ом, когда он был простым студентом Института холодильных установок, а после остался в том же Ин-

ституте аспирантом, а после так в нем и служил до 1990 года, когда, волею обстоятельств, как и многие граждане страны, вынужден был заняться коммерцией. Не особенно успешен он был, но минимальным комфортом обеспечила еще Советская власть – тем и призывал старый Самуил Ааронович сына своего принять профессию торговца, доставшуюся от отца. «Пусть средний, но стабильный заработок. Да и потом евреи всегда были торговцами». Но где там увещевать молодежь! И старый Самуил также не преуспел в этом.

Пока Мойша шел по родным и знакомым улицам, среди которых прошло детство, то и думать о той мерзости, которая заставила его до срока вернуться на родину, как-то не хотелось – дела казались не такими уж и плохими, а назад тянули только тяжелые мысли о Кате, которую он любил... или, вернее, к которой так привык за непродолжительное время пребывания в Озерске. Хотя Москву он обоснованно считал городом чудес – здесь, в отличие от всей другой страны, могло случиться самое непредсказуемое и удивительное. И, судя по реакции Москвы на его приезд, оно и обещало случиться...

Дома долго мучали расспросами – а он все не решался на них ответить. Только молчал и улыбался во весь рот. Мать кормила кошерной едой, отец сетовал на жизнь. В общем, все было как обычно, как будто и не покидал он отчего дома. И если вчера еще сетования отца так сильно раздражали молодого и прогрессивного врача и спешил он столицу

покинуть просто, чтобы уехать куда-нибудь, то сегодня, казалось, цены им нет – слушал бы и слушал. И неважно при этом, о чем конкретно он говорит...

– ...И шо это за профессия у тебя такая? Зачем туда иди-то? Разве за спиртом... Вот у меня приятель был в университете, тоже все грезил пьянкой нахалюву в медицине. Догрезился – из института выгнали, поступил в медицинский на третий курс. Четыре года убил, стал работать. Спустя неделю влез на какой-то там склад, а там знаешь, эти органы... в колбах... Ну он одну открыл, попробовал оттуда – а там формалин... Он и блевать, и хезать сразу... Так так рассердился, что все остальные колбы перебил сей же час. Ну его на второй день уволили и больше никогда никуда не взяли... Хе-хе...

– Ну, знаешь, дураков везде хватает...

– Самуил, Мойша, – ругалась мать, – хватит вам о работе.

Вы ешьте лучше...

После ужина Мойша решился рассказать обо всем родителям. Мать стала причитать и ахать, а отец сидел невозмутимо как танк.

– Ну и шо? – только и спросил он.

– Ты, что, считаешь все происходящее там нормальным?

– А ты шо, считаешь все происходящее в стране нормальным? Она давно уже с ума сошла, еще в 1990-ом, когда Рельсын к власти пришел. Тут все с ног на голову. А, если быть до конца точным, то еще с 17-го года, с большевиков. И что ж

теперь? Те, которые много об этом думали и внимание на все обращали, пропадали – кто в сталинском ГУЛАГе, кто потом в психушках для диссидентов, кто в тюрьмах или на дне колодцев в наше время. Хочешь пополнить их ряды?

– Знаешь, был такой ученый, Земмельвайс. Так он первый установил еще в середине 19 века, что роженицы в больницах погибают от сепсиса по причине того, что доктора руки не моют.

– И шо? Памятник ему поставили?

– Поставили. Правда спустя много лет после смерти. А при жизни не признали, не обращали, как ты говоришь внимания вперед, а после, в точном соответствии с твоим описанием, в психушке сгноили.

– Так. И тебе теперь, насколько я понимаю, срочно зандобился памятник?

– Папа, не язви, пожалуйста.

– Ну тебе же лавры этого твоего... Земмельвайса покоя не дают!

– Да не в них дело, а в том, что у кого-то должна оказаться голова на плечах!

– Ни у кого! – в сердцах ударил кулаком по столу отец. – Ни у кого и никогда в этой стране не будет головы на плечах. Свою единственную светлую голову они отрубили еще в 1918-ом. Все на этом. Никого там больше не было и уже не будет. Не надейся, что после смерти тебя вспомнят и твои заслуги признают...

– Но ведь Земмельвайс...

– То в Европе. У них все другое – ментальность, история, образ жизни, отношение к людям, все, понимаешь?! Здесь уже давно забыли о человеке и человечности, об отношениях к социуму, о взаимоуважении. А ты на какую-то историческую память надеешься! Хи! Нашел, о чем говорить – да они эту память ногами в грязь втоптывают постоянно. Они историю перекраивают в угоду собственной власти, в угоду временщикам, чуть ли не два раза в год, и в этой стране он задумал осуществить интеллектуальную революцию! Не тут-то было, Мойша... Послушай, шо скажет тебе старый еврей. Бери ты эту свою Катю и, если хотите жить более или менее нормально, приезжайте сюда. Тут мы, как-нибудь поможем, проживем, одним словом. Нигде за пределами этого города в этой стране жизни нет и быть не может! А уж если надумал жить хорошо – то прямиком в Европу. И чем скорее, тем быстрее, а то гляди, как они все туда ринутся через пару годков, как уже было в 1920-ом.

Мойша с ужасом и отчаянием смотрел на отца. В юноше вновь разыгрались детские амбиции – ему казалось, что отец попросту не хочет поддержать его, разделить его взглядов. А старый Самуил, не встретив понимания во взгляде собственного сына, махнул рукой и изрек:

– Да, делай ты что хочешь...

Наутро они снова встретились на общей кухне.

– Ты это, сынок, – издалека начал Самуил. – Я тут поду-

мал. Ты напиши все это на бумаге и отнеси в приемную Генерального прокурора. Что толку в словах? Слова, как говорится, к делу не пришьешь, а на бумажку у нас всегда, сам знаешь, какая реакция. Как говорится, без бумажки ты букашка...

Мойша с радостью воспринял совет отца – и уже к вечеру бумага с подробным описанием озерского синдрома Земельвайса была в приемной Генерального прокурора. Ответ не заставил себя долго ждать – следующим утром раздался звонок на телефон молодого врача. Заместитель Генерального прокурора страны приглашал его к себе лично.

Мойша явился на прием к генералу юстиции чуть свет – в половине девятого он уже переступал порог его кабинета.

– Однако, – протянул седовласый генерал, – никак не ожидал, что Вы приедете так рано! Что ж, проходите, присаживайтесь!

– Дело не терпит отлагательств, Яков Николаич...

– Да я уж вижу, прочитал! С интересом прочитал, – прокурор встал из-за стола и начал расхаживать по кабинету взад-вперед, заложив руки за спину. – Самое прелюбопытное и мерзкое в этой ситуации – это то, что наш коллега и подчиненный сквозь пальцы посмотрел на Ваш сигнал и не обратил внимания на ужасающую вещь, которая происходила у него под носом! Ну остальные я понимаю, люди слабые, как говорится, а он-то как мог?! Ему-то как в голову пришло ответить Вам отказом да еще пугать уголовной от-

ветственностью?!

Мойша улыбнулся:

– На этот вопрос я Вам не отвечу.

– Вопрос риторический, разумеется.

– Позвольте тогда мне спросить?

– Конечно.

– Какие меры теперь будут приняты по этому моему обращению?

– Скажу Вам одно – комплексные. Мы решили направить в Озерск комиссию со значительной силовой поддержкой, состоящую из должностных лиц прокуратуры, Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения ну и... Счетной палаты.

– А они-то там зачем? – удивился молодой доктор.

– А чтобы проверить, сколько было украдено из казны за все это время и на сколько она же пополнилась за счет доходов, добытых преступным путем. Скажу Вам также, что по итогам проверки еще до ее начала уже принято решение о возбуждении уголовного дела. Да причем не одного... Слушайте, я откровенно поражаюсь, почему никому до Вас в голову не пришло сигнализировать нам о случившемся. Это же беззаконие от начала до конца, причем опасное для жизни и здоровья неограниченного круга лиц! Куда остальные-то смотрели?

– Наверное, в двери дома досуга...

– Борделя... Ну да... Логично. Что ж, смею Вас заверить,

что комиссия отправится в Озерск уже завтра. От лица Президента и прокуратуры благодарю Вас за сигнал. Вы с честью выполнили свой гражданский долг и, вернее всего, будете вознаграждены достойно своему поступку! – прокурор пожал визитеру руку и отпустил его.

Мойша летел домой на крыльях. По дороге он решил позвонить и рассказать о своем поступке Кате:

– ... Так и сказал. Что будет возбуждено не одно уголовное дело. А меня, наверное, даже наградят.

– Ох, – тяжело вздохнула она.

– Что ты? Что не так? Разве не этого ты хотела?

– Да я уж и сама не знаю, родной, чего я хотела. И хотела ли вообще. Неизвестно, чем все это кончится.

– Чем бы ни кончилось, – решительно ответил Мойша, – а кончится. Давно пора было положить этому безобразию предел. И я сделал то, что должен был сделать на моем месте любой сознательный гражданин!..

– Приезжай скорее. Я очень скучаю. Мне страшно без тебя.

– Вылетаю завтра же!

Чтобы поскорее вернуться к любимой, Мойша решил лететь самолетом. Со слезами на глазах провожала его мать, с укоризной – отец. До последнего старик не верил в мудрость и целесообразность поступка своего сына. Но теперь уж сожалеть было поздно – чему быть, того не миновать. Крепко обнявшись, проводил он сына в накопитель аэропор-

та. По старой традиции, с утра за окном шел дождь...

В Озерске у самого входа в обветшалый и заплесанный аэропорт Мойшу встречал мэр города. Молодой врач был крайне удивлен таким почестям.

– Прошу, – мэр стоял в плаще и шляпе, мокрый от дождя, и держал демонстративно открытой дверь собственного автомобиля.

– Николай Иваныч? Вы?

– А чему ты, собственно, удивляешься? О твоём визите к Генеральному прокурору прокурору местному, а значит, и мне стало известно в ту же минуту. Ты совершил, можно сказать, героический поступок, а страна должна знать своих героев. И на руках носить. Садись, промокнешь.

Мойша прыгнул в автомобиль с улыбкой на лице и чувством легкой подозрительности в душе.

– Через центр, – скомандовал мэр водителю.

– Вообще-то я живу...

– Я знаю, где ты живешь. Ты же, должно быть, на мое место метишь, коль так ретиво взялся бороться за благополучие народонаселения. Вот и должен осмотреть городские достопримечательности...

– Я нет, что Вы! Я не поэтому...

– Ну и дурак, что нет. «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Поехали через центр, покажу кое-чего.

Они ехали через центр, машина плюхалась в лужи на дорогах, и на душе у Мойши становилось все гаже и гаже. Предсказание отца начинало сбываться, причем в какой-то извращенной форме.

– Смотри, вот бывший дом досуга. Видишь, опечатали уже. Боремся, так сказать, с рассадником разврата и похоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.